

Чёрная орхидея

Автор:

Александра Салиева

Чёрная орхидея

Александра Салиева

Богатый, успешный, привлекательный... О таких говорят – заветная мечта любой женщины. Но что, если эта заветная мечта на самом деле – худший кошмар наяву? Жестокий, бессердечный зверь, который живёт и дышит насилием. Сопrotивляться бессмысленно. Ведь он купил меня. На самом заурядном аукционе. И я сама согласилась стать его рабыней. Зачем? У меня были причины... Когда-нибудь и Он о них узнает. Содержит нецензурную брань.

Александра Салиева

Чёрная орхидея

И пусть шепчутся, какая я мразь, не пугайся —

Прибавь мою нежность на максимум...

Dramma & Appledream

Глава 1

Глубокий вдох. Плавный выдох.

Сердце бьётся оглушительно громко...

Дыхательная гимнастика совершенно не помогает. А бледность, слишком явно отражающаяся в зеркале на моём лице, совсем не проходит.

Ещё один вдох. И выдох.

Необходимо успокоиться. Найти в себе хоть каплю хладнокровия. Иначе я просто-напросто не выдержу. А ведь осталось всего ничего до того момента, который перевернёт мою жизнь. И ничего уже не изменишь.

Глубокий вдох. Плавный выдох.

Повторный придирчивый осмотр себя в зеркале...

Перламутровая помада сияет на искусанных губах, скрывая неуместный дефект. Задетые коричневой тушью ресницы изогнуты вверх, как и хотелось местному распорядителю, в то же время оставляя ощущение естественности созданного образа. Сдобренные тенями брови выглядят ещё гуще, нежели обычно.

Да, образ невинной кокетки удаётся на славу...

При последней мысли невольно морщусь, отворачиваясь от напольного зеркала посреди маленькой комнатки без окон и иной мебели.

Каждый из присутствующих в этом злачном месте, ровно, как и я сама, прекрасно знает – невинных здесь нет. Им здесь делать нечего.

И даже факт моей девственности далеко не невинность. Ведь совсем скоро я продам её на закрытом аукционе для социопатов с самыми жуткими извращёнными наклонностями, которые только встречала психиатрия.

– Твоя очередь! – нарушает тишину властный приказ от миниатюрной итальянки из-за приоткрытой двери. – Раздевайся. Заставь наших гостей заплатить как можно больше... – надменно улыбается она, довольно оглядывая меня.

На мне и так, кроме тонкой сорочки, ничего нет.

Но приходится избавиться и от этой одежды.

- Да не сутулься ты так! - следует новое веление.

А я вынужденно одёргиваю плечи назад, пока следую за женщиной средних лет вдоль узкого коридора, ведущего к небольшому подиуму в огромном зале, окутанном полумраком, наполненным запахами дорогого табака и элитного алкоголя. И совсем не смотрю на тех, кто меня там ждёт.

Концентрируюсь исключительно на центральном выходе, драпированном чёрным шёлком. В отличие от самих посетителей закрытого клуба.

Алчные взгляды буквально пронизывают моё обнажённое тело насквозь. Разглядывают, оценивают... Нет, не любят. Выискивают недостатки. Прикидывают, сколько действительно готовы заплатить за представленное.

Здесь совсем не холодно, но тело бьёт озноб. Липкий холодок буквально въедается в нутро, как только слышу первую озвученную за меня цену, сразу после объявления моих физиологических данных. Стартую.

Началось...

- Десять тысяч евро за эксклюзивный контракт на пять лет!

Эксклюзивный. Не стандартный, когда "купленный лот" может диктовать хотя бы часть условий, на которых продаёт себя тому, кто больше заплатит. А это значит, что от меня потребуется беспрекословное подчинение... Во всём.

- Пятьдесят! - сообщает кто-то бесцветным тоном с высоты балкона.

Благодаря умело спроецированному полумраку тени прячут его лик, и, даже если бы и собиралась разглядывать первого претендента на своё тело, всё равно не удалось бы.

- Шестьдесят! - звучит немного погодя.

Источник этого голоса находится прямо передо мной, менее чем в десяти шагах. И, как бы я ни стремилась игнорировать, всё равно удаётся заметить сутулого мужчину средних лет, вальяжно откинувшегося на спинку роскошного кресла из красной кожи. У его ног сидит миниатюрная азиатка. Упругие кудряшки скрывают обнажённые плечи и часть лица, а тонкая цепочка, намотанная на его кулак с одной стороны – прикованная к её ошейнику с другой, видна слишком отчётливо в полумраке. Если память мне не изменяет, новоиспечённая рабыня была предыдущим лотом этих торгов.

– Сто тысяч! – обозначает новую цену ещё один из присутствующих.

Не успеваю сориентироваться на то, кто он и какой из столиков занимает.

– Пятьсот, – перебивает его другой.

Нет необходимости переводить своё внимание в нужном направлении, чтобы знать, кто именно только что настолько высоко поднял планку моей стоимости. Я и так прекрасно знакома с этими оттенками вкрадчивого баритона. Как и любой, кто изучал список самых богатых людей планеты.

Маркус Грин. Англичанин тридцати пяти лет с пронзительным взором цвета тёмный ультрамарин. Он же медиамагнат – личность, постоянно мелькающая во всех новостных каналах, и... Садист. Жестокий, бессердечный зверь, на чьём счету минимум десятков купленных рабынь на данном аукционе. Но последнее, конечно же, не является достоянием общественности.

Возникшая пауза длится недолго.

– Шестьсот, – произносит мужчина с балкона.

Мой пульс и ритм сердцебиения давно зашкаливают за пределы допустимой нормы. Отражаются внутри громогласным набатом, постепенно заполняющим вновь возникшую тишину с каждым мгновением всё сильнее и сильнее. Наверное, именно поэтому я пропускаю момент, когда ставка возрастает до миллиона. И только объявление о том, что торги завершены, вынуждает вернуться в реальность. К тому же довольно трудно пребывать в царстве эмоционального забвения, когда тебя бесцеремонно подталкивают в поясницу... Всё та же итальянка, которая привела меня на подиум.

– Умница, – шепчет довольно она.

Киваю, принимая её слова. На большее просто не способна. И стараюсь не упасть, петляя между довольно тесно расставленными столиками, пока иду к тому, кто заплатил за меня целое состояние, вместе с тем отчаянно давя в себе порыв позорно сбежать отсюда, пока контракт не подписан с обеих сторон.

А ведь думала, что действительно готова ко всему этому...

– Поздравляю с приобретением, мистер Грин, – вежливо расшаркивается женщина, оставляя на краю стола тонкую папку с вложенным внутрь документом, отнимающим у меня любое право выбора на ближайшие пять лет.

Моя подпись стоит там давно. Иначе бы меня не было здесь.

Отвечать ей англичанин не считает нужным. Да и внимания на неё вообще не обращает. Даже когда женщина удаляется из поля зрения, оставляя меня с ним условно наедине. Я не знаю, что следует делать дальше, поэтому изображаю безмолвную статую, пока тяжёлый взор мужчины блуждает по мне, постепенно поднимаясь от уровня ступней выше... Изучает тонкую чёрную вязь хрупких веточек и соцветий, тянущуюся от левого бедра вдоль линии живота к правой груди, задевая ареолу и ещё немного дальше.

Чёрная орхидея. Татуировка, в своё время сделать которую мне стоило огромных усилий. В первую очередь – моральных. Всё-таки не каждый день приходится обнажаться перед неизвестным мужчиной. Хотя, учитывая настоящее, то теперь кажется сущей ерундой и нелепицей.

– Сядь, – проговаривает брюнет тихим вкрадчивым тоном.

Слегка вздрагиваю. Нет, мне не страшно. Но и... Да я в откровенном ужасе!

Не улавливаю ни единой нотки, которую можно было бы интерпретировать как приказ, но пронизывающее ощущение властности в каждом звуке, слетевшем с искривлённых ничего не выражающей насмешкой уст, вынуждает содрогнуться.

Сядь... Я должна сесть... Куда? У его ног, как та девушка на поводке с кудряшками? Или на колени, как те две, которые ублажают бокалом вина и виноградинами сидящего за соседним столиком ещё одного толстосума-извращенца? А может...

- На стул, - будто читает мои мысли в снисходительном дополнении, кивнув в сторону обозначенного предмета с другой стороны занятого им столика.

Исполнить сказанное я не успеваю. Даже моргнуть. Маркус поднимается со своего места, а моего лица касается его обжигающее дыхание. Слишком мимолётно, чтобы было возможно понять, было ли то плодом моего воображения, а может, и правда, не показалось... Высокий. Я едва ли достаю ему в росте до плеча. К тому же, очевидно, очень сильный. От него так и разит тем видом мужского магнетизма, из-за которого толпы девиц готовы пожертвовать чем угодно, лишь бы заполучить хоть каплю внимания... Наивные.

- Скоро вернусь. Жди, - следует от него снова.

Он отступает от меня на шаг в сторону, а я разворачиваюсь к стулу, но в итоге так и остаюсь стоять, где стояла. На плечи ложится мягкая ткань... мужского пиджака. Маркус Грин надел на меня свой пиджак!

Даже не знаю, радоваться тому или ждать расплаты...

О том и думаю следующие полчаса, пока покорно исполняю чужую волю, попутно наблюдая за продажей "новых лотов" аукциона. И жестокая порка - самое лёгкое, что мне видится в качестве ближайшего будущего.

Торги закончены, но купивший меня до сих пор не возвращается. Зато вновь появляется итальянка, чьего имени я не знаю.

- Вот, выпей, - говорит она, поставив передо мной стакан с апельсиновым соком.

Судя по мрачности, витающей в её цепком взгляде, возражать бесполезно. К тому же в горле и так давно пересохло. Да и выбора особо нет.

- Спасибо, - проговариваю почти беззвучно.

Живительная влага наполняет моё горло, а женщина забирает папку, оставленную ею ранее на краю стола, и удаляется в неизвестном направлении.

Последующие минуты моего временного одиночества кажутся ещё более нескончаемыми, чем предыдущие. Нет, я не мазохистка, которая жаждет внимания своего бессердечного Хозяина, но возникшее промедление всё отчётливее начинает казаться абсолютно паршивым обстоятельством.

Ни один из присутствующих не медлит воспользоваться своей новой игрушкой. Большая часть публики давно покинула это место. А значит, возникла проблема... Впрочем, данное обстоятельство в скором времени беспокоит не столь сильно, как возвращение Маркуса Грина. Ведь в его потемневшем взоре плещется чистейшая ярость.

Ох, не так всё должно было быть.

Совсем не так.

– Идём, – отчеканивает брюнет ничего не выражающим тоном.

Оттого голос звучит ещё более жутко, нежели если бы он злился в открытую.

Интересно, уж не я ли – источник его настроения?

Последняя мысль вынуждает сердце забиться быстрее. Тревожный ритм совсем не утихает, пока мы выходим из здания и садимся в чёрный лимузин.

Мужчина пропускает меня вперёд, а после усаживается напротив. В его руках та самая папка, которую забрала со стола итальянка. Помимо контракта, в ней находится краткий свод данных на мою персону, а также документы, удостоверяющие личность. Именно этой информацией занят мой спутник в течение ближайших минут, пока водитель, чьё присутствие визуально скрыто специальной перегородкой, ведёт автомобиль по улицам Рима.

– Меня зовут Маркус Грин. Можешь называть меня Маркус, – первым нарушает тишину англичанин. – Твоё имя?

Нет у меня имени. Точнее, такового просто-напросто не стало с того момента, как торги за моё тело оказались завершены. И в теории его не будет на ближайшие пять лет, если только сам Маркус не посчитает иначе. Мы оба прекрасно знали об этом. Тогда к чему спрашивает?

– Я задал вопрос, – дополняет снисходительно. – Отвечай...

Былая ярость растворилась в оттенках тёмного ультрамарина. Теперь миллиардер внешне кажется совершенно спокойным. Вот только избавиться от ощущения тяжести, с которой он смотрит на меня, всё равно не выходит.

– Зои, – отзываюсь тихо, не слыша собственного голоса. – Зои Риверс.

Удары сердца в моей грудной клетке до сих пор звучат намного громче всего остального, а пальцы, которыми я вцепилась в края пиджака на мне, начинают сводить судорогой. Мне стоит больших усилий остаться в прежней позе и не отвести взгляда от собеседника. Тем более что расплывающаяся на его губах неодобрительная ухмылка ничего хорошего не предвещает.

– Зои Риверс, – повторяет он, показательно уставившись на бумаги, которые читал прежде. – Гранд-Форкс, Северная Дакота... – зачитывает строки из графы места моего официального прежнего жительства и делает паузу. Слишком долго, чтобы я успела перебрать все возможные варианты того, что будет, если не пройду эту простую проверку. – И как же ты оказалась в том месте, откуда я тебя забрал, Зои Риверс? – выделяет в явном раздражении.

О том, по какой причине я решила продать себя любому, кто больше заплатит, тоже написано в тех бумагах, которые он прочитал, уверена, не единожды. Но мне всё равно приходится озвучить это вслух.

– Мои родители погибли в автокатастрофе четыре года назад. Из родных осталась только старшая сестра. Сейчас она в реабилитационном онкологическом центре, в тяжёлом состоянии. Моя доля из средств, вырученных с торгов, будет перечислена на лечение... – слегка подрагивающим тоном выдаю то, что ему следует знать.

Зловещая ухмылка до сих пор хранится на его лице. Как только я умолкаю, Маркус закрывает папку и отшвыривает её в сторону, брезгливо поморщившись.

Ещё с добрую минуту он гипнотизирует меня придирчивым взглядом, пробирающим насквозь, а после нажимает кнопку, опускающую перегородку между нами и водителем.

– В отель.

Сидящий за рулём слегка оборачивается в нашу сторону, понятливо кивнув.

– Что сказать пилоту? – уточняет услужливо.

Брюнет вновь одаривает мою персону долгим оценивающим взглядом.

– Точное время скажу чуть позже. Но сегодня мы уже никуда не летим в любом случае, – произносит, немного погодя.

Водитель снова кивает. Перегородка между нами возвращается в прежнее положение. А я терзаюсь новыми предположениями о том, что же пошло не так, раз Маркус Грин вынужден изменить свои планы на ближайшее будущее. Судя по всему, после аукциона прежде он был намерен покинуть Италию.

– На что только не пойдёшь ради близких и родных... Даже продашь тело и душу первому попавшемуся, – роняет как бы невзначай мужчина.

На меня он больше не смотрит. Демонстративно разглядывает мелькающие за окном огни вечернего города. И, поскольку приказа отвечать не было, я тоже делаю вид, будто бы то прошло мимо меня. Да и... англичанин всё равно прав. Отчасти. Потому что этот самый социопат может говорить и делать что угодно, но мою душу он точно не получит!

Глава 2

Лимузин останавливается в узеньком переулочке. Рядом – один из дорогущих отелей Рима. Со стороны, которой пользуется служба доставки. В такое время, естественно, нет никакого персонала, за исключением одного дежурного охранника. Но и тот поворачивается спиной, стоит только водителю Грина

показаться на улице и переброситься с ним парой фраз.

Маркус покидает салон первым. И терпеливо ждёт, пока я сделаю то же самое.

Скорее всего, моё нервное напряжение потихоньку отступает, потому что, как только босые ступни касаются влажного асфальта, слишком отчётливо чувствую, насколько же на улице прохладно. Когда я покидала элитный закрытый клуб для социопатов-богачей, совсем позабыла о том, насколько же неподобающе я одета для ранней осени.

Очевидно, мой спутник думает о том же самом, потому что взор цвета тёмный ультрамарин наполняется неодобрением.

– Застегнись, – произносит брюнет, приблизившись ко мне вплотную.

Едва успеваю справиться с выполнением обозначенного, потому что пальцы будто одеревенели, а в следующую секунду и вовсе перестаю дышать. Мир перед глазами начинает кружиться... Маркус Грин берёт меня на руки.

Моментально становится душно. Открываю рот, но способность втянуть в себя хоть каплю воздуха так и не возвращается. Не столько от самого жеста англичанина, сколько из-за исходящего жара от мужчины... И осознания, что мне не так уж и противна эта близость, как предполагалось поначалу.

– Не хочу, чтобы моя дорогая игрушка испортилась раньше, чем я надумаю сам её сломать, – поясняет он на мой ошеломлённый взгляд.

Мимолётное оцепенение растворяется в один миг. Теперь я снова помню, где я и с кем именно нахожусь. А главное – по какой причине.

Прикрываю глаза и вдыхаю как можно глубже и плавнее, стараясь изобразить на лице покорность и смирение. Концентрируюсь на собственном дыхании следующие минуты, пока брюнет заходит в здание отеля, а затем идёт длинными безлюдными коридорами и преодолевает несколько сотен ступеней, прежде чем мы оказываемся на верхнем этаже. Там всего четыре номера. И парочка пожилых людей, провожающих нас заинтересованными взглядами. Впрочем, если я и задумалась на краткий миг о представшей перед их глазами

картине, то Маркус остался полностью равнодушен к присутствию посторонних.

Самой стоять мне позволено лишь после того, как за нами закрывается дверь арендованных апартаментов. Судя по тому, что брюнет воспользовался ключ-картой, которую достал из кармана пиджака на мне, – он уже был здесь до аукциона.

Внутри – гостиная, две спальни, санузел и открытая терраса, утопающая в зелени. Каждая из дверей смежных помещений распахнута настежь, поэтому среди интерьера, выполненного в духе французской классики, могу сориентироваться без труда.

– Всё то, чему тебя обучала Карла... – нарушает долгое молчание Маркус, отходя от меня. – Забудь это. И прекрати прикидываться дрожащей ланью. Меня это бесит, – слегка морщится, прежде чем отвернуться.

Очевидно, он имеет в виду ту итальянку, которая занималась подготовкой всех девушек перед аукционом. Всё-таки ни в школе, ни в университете нам никто не рассказывал о том, как следует вести себя покорной рабыне, готовой ублажить своего жестокого хозяина при первой необходимости.

– Хорошо, – отзываюсь тихонько.

Мужчина останавливается в зоне бара и берёт один из перевернутых стаканов, наполняя его янтарной жидкостью из графина.

– Хорошо? – насмешливо приподнимает бровь, делая первый глоток алкоголя.

Смотрит на меня с такой заинтересованностью, что я окончательно теряюсь.

Какой-то неправильный социопат мне достался... Хотя в том, где грань правильности у этих психов, я тоже не уверена.

– Если ещё не поняла, я довольно занятой человек, – продолжает Маркус, после того, как усаживается на высокий табурет и залпом допивает напиток из стакана. – И у меня совершенно нет времени на всю эту подчиняющую дребедень, касательно той части, как и при каких условиях тебе существовать

отдельно от моей спальни в течение ближайших пяти лет, – переводит тоскливый взгляд на гранённое стекло в своей руке, демонстративно изучая опустевшую посудину, – поэтому я буду очень признателен, если ты прекратишь стоять там как безвольная кукла. Самостоятельно. Без моих распоряжений.

Мне два раза повторять не надо. Правда, куда себя девать, после того как преодолеваю гостиную и подхожу ближе к мужчине, я тоже пока не определилась, поэтому останавливаюсь в паре шагов от него, ожидая дальнейшего. А на губах англичанина появляется новая жёсткая ухмылка.

– Ближе, – возвращает внимание к моей персоне, сканируя очередным пронизывающим тяжёлым взглядом с головы до ног. – Подойди ближе.

Он отставляет стакан в сторону, пока я выполняю сказанное. Часть моего бедра касается его коленей, и я считаю это более чем достаточным, поэтому замираю, внутренне молясь о том, чтобы столь же стойко, как прежде, вытерпеть и всё то, что будет вскоре.

– А теперь, когда ты уяснила себе некоторые моменты, – одной рукой он ослабляет галстук и стягивает с себя этот кусок чёрного шёлка, а второй расстёгивает пуговицы на пиджаке, в который я одета, – мы перейдём к более занятой части нашего знакомства, цветочек.

Голос мужчины звучит необычайно мягко, и я невольно отвлекаюсь на столь резкую смену тональности, поэтому не обращаю внимания на то, в какой момент вновь оказываюсь полностью обнажена перед Маркусом Грином.

– Расскажи мне об этом... – его пальцы касаются моего левого бедра и плавно скользят выше вдоль линии узора татуировки.

Кто бы знал, каких усилий мне стоило остаться на месте!

– Я... – кислород в лёгких неожиданно заканчивается и говорить становится трудно, поэтому сбиваюсь, продолжая лишь через короткую паузу: – Я сделала её около года назад, – озвучиваю очевидную вещь.

По телу разливается едва ощутимая дрожь. Нет, не предвкушения или чего-то подобного. Просто теперь, чувствуя, насколько же горячими являются чужие пальцы, понимаю, насколько холодным является собственное тело.

- Ни с того ни с чего, просто взяла и сделала?

Нет, конечно. Я не настолько легкомысленна.

Но о том, конечно же, стоит промолчать. А вслух:

- Да. Мне нравятся орхидеи.

Взор цвета тёмный ультрамарин темнеет почти до черноты, хотя лицо его обладателя остаётся беспристрастным.

Удивительное явление!

- Значит, у нас есть что-то общее, - ухмыляется мужчина.

Он так и продолжает изучать тонкую вязь веточек и соцветий, повторяя кончиками пальцев направление рисунка. Прикосновение грубоватой разгорячённой кожи поднимается выше и выше, а затем замирает под грудью.

- Что ещё тебе нравится, цветочек? - резко подаётся вперёд, становясь на ноги, поэтому вопрос звучит у самого уха.

Это сбивает с толку. Вообще, довольно трудно морально подготовиться распрощаться с девственностью благодаря последнему на Земле мужчине, с кем действительно хотелось бы, когда приходится ещё и фантазию подключать, чтобы соврать поправдоподобнее. Потому и промолчала. Сумела лишь приоткрыть рот, но ни единого звука так и не слетело с уст.

- Можешь не отвечать прямо сейчас, - будто ловит ход моих мыслей в открытом снисхождении. - Поделишься этим со мной другим способом... - уголки его губ приподнимаются в подобии улыбки.

Чужое дыхание опалает висок, а на глаза мне ложится плотный чёрный шёлк, превращая мир в кромешную тьму. Маркус крепко затягивает узел на затылке, и вместе с тем я ощущаю, как его дыхание становится тяжелее и медленнее.

Вздрагиваю, когда обе ладони мужчины ложатся на мои бёдра и крепко сжимают. Он разворачивает меня к себе спиной. Так и не отстраняется.

– Хочу, чтобы ты прикоснулась к себе. Так, как ты хотела бы, чтобы к тебе прикасался я, – шепчет тихо-тихо.

Шумно сглатываю.

Честно говоря, подобного я совсем не ожидала...

– Ты должна кончить, цветочек. У тебя есть на это целых пять минут, – произносит откровенным ультиматумом.

Сколь бы сильно моей персоне ни хотелось поинтересоваться тем, что будет, если я не справлюсь, приходится прикусить язык. И абстрагироваться от настоящего. В прошлом мне удавалось проделывать это множество раз, поэтому особого труда то не составляет. А ещё... Представляю себе, как дыхание мужчины опускается ниже, к шее. Он целует меня. Медленно. Нежно. Я чувствую каждый новый вдох и выдох. Плавный. Размеренный.

Откидываю голову Маркусу на плечо и слегка подаюсь бёдрами назад, прижимаясь к нему вплотную, позволяя себе ощутить его эрекцию. Грубоватые пальцы, так и не завершившие исследование татуировки цветка, вновь ласкают меня, проводя по тонким искусным линиям чёрного рисунка. Обводят контур ареолы, слегка сжимают. Поглаживают, обхватывают грудь крепче, сдавливая немного сильнее... Вторая ладонь скользит ниже, к животу. И ещё ниже, устраиваясь между ног.

Я замираю всего на мгновение. Шумно втягиваю в себя воздух, а после и вовсе не дышу, чувствуя первое проникновение. Движения осторожные, постепенно растягивающие изнутри. Снова и снова. Раз за разом побуждающие желать больше, глубже, быстрее.

Уже не важно, чьи руки на самом деле дарят мне эти чувственные прикосновения, сталкивающие к грани пропасти, с которой я так отчаянно жажду упасть. Кровь, текущая по моим венам, будто наэлектризована. Необходима всего лишь маленькая искра, и я вспыхну. Сгорю и рассыплюсь пеплом. Ещё совсем чуть-чуть, будет именно так. Никак иначе. Моё дыхание сбивается. Становится невыносимо жарко...

– Ты разочаровываешь меня, Зои Риверс, – вторгается ледяным тоном в мою выдуманную реальность настоящая. – Или правда решила, что можешь заменить мой член всего двумя пальцами? – звучит в ядовитой усмешке.

Отреагировать не успеваю. Маркус отстраняется. Галстук до сих пор лишает меня способности видеть, поэтому я не уверена в том, насколько далеко он ушёл. Но неизвестность длится всего лишь пару кратких секунд.

Тяжёлая рука ложится на плечо и безжалостно давит, вынуждая опуститься на колени. Не успеваю заполучить новую порцию воздуха в лёгкие. Горло сдавливает чужая хватка. Слишком безжалостная, чтобы пропустить в меня хоть каплю кислорода. Благо, то длится тоже недолго... По крайней мере, так думается поначалу.

– Пора тебе оправдать тот миллион, который я потратил, – хрипло проговаривает Маркус.

Он перемещает пальцы от моей шеи выше, болезненно нажимая, заставляя приоткрыть губы. И крепко обхватывает за затылок, резко вталкивая свой член.

У меня не остаётся возможности привыкнуть или подстроиться под заданный темп. По щекам стекают обжигающие слёзы. Я банально задыхаюсь, пока собственное сердце бьётся всё громче и чаще, а мужчина вновь и вновь безжалостно толкается в меня.

– Твои пять минут истекают, цветочек, – напоминает о былом мужчина.

Наверное, будь я хоть каплю адекватна сейчас, я бы снова попыталась абстрагироваться от настоящего, чтобы просто пережить эти моменты. Но я остаюсь с этой реальностью. Совсем не для того, чтобы привыкнуть к ней.

В конце концов, ни одна вменяемая девушка добровольно не продаст себя на аукционе. Маркус Грин испытывает меня. Я могу с этим справиться.

Сжимаю твёрдую плоть губами крепче, обхватывая у основания одной рукой, и помогаю себе приблизить финал для нас обоих. Снова представляю, будто бы мне это на самом деле нравится. Настолько, что готова наслаждаться ощущением его эрекции у себя во рту. И даже больше...

Тихий стон, вырывающийся из моей груди, теряется в тишине номера дорогостоящего отеля в самом сердце Рима. Ещё один – переплетается с едва уловимым рычанием того, кто купил меня. Кровь в моих венах повторно наполняется мельчайшими частицами электричества. На этот раз я не упускаю ту самую искру, которая изменит мою полярность. Эта волна прошивает каждую клеточку моего организма. Я словно падаю в беспроглядную пропасть. Перед глазами и без того сплошная темнота, но теперь... Тьма обитает не только снаружи. Она поселяется и внутри меня. Прочно въедается в мою суть. Намертво пропитывает нутро. Остаётся там навечно. И создаёт новую отдельную реальность, которая ещё будет необходима мне. Чтобы выжить в ближайшем будущем. И сохранить частичку себя прежней.

– Где здесь ванная комната – ты уже видела, – нарушает мою личную немного странную идиллию всё такой же холодный голос Маркуса.

Англичанин отпускает меня и отстраняется, а я запоздало чувствую на языке солоновато-горький привкус его спермы.

К горлу моментально подкатывает тошнота.

Но я не смею пошевелиться, пока не слышу чужих шагов, пересекающих гостиную. И, только когда дверь спальни по правую сторону от меня с едва уловимым шумом закрываются, я стягиваю с себя галстук, без зазрения совести оставив его валяться на тёмно-вишнёвом паркете, и срываюсь в сторону обозначенной мужчиной комнаты.

Только чудом мне удаётся запереть за собой дверь, прежде чем добираюсь до самого заветного в данный момент предмета из белого мрамора, а желудок выворачивает рвотными спазмами. Провожу на четвереньках добрые десять минут, прежде чем приступ заканчивается. И в три раза больше – под струями

тёплой воды в душевой кабине, остервенело растирая намыленной мочалкой собственное тело в жалкой попытке избавиться от ощущения былого контакта с Маркусом Грином. Вот только последнее совершенно не помогает. Заплативший за меня целое состояние – как та тьма, будто бы оставил внутри невыводимое клеймо. Не стереть, не вывести его. Ничем.

По всей видимости, слова мужчины о том, что я продала ему не только своё тело, но в придачу и душу не сохранила нетронутой, – не так уж и безосновательны.

Глава 3

“Раз, два, три, четыре, пять:

Я иду тебя искать.

Как найду тебя – беги!

Своё сердце береги.

Три, четыре, семь, шесть, восемь:

Лепестки цветков мы бросим.

Упадут они на оземь —

И настанет снова осень.

Девять, десять и двенадцать:

Ты не думай поддаваться...”

В лёгких будто вакуум образовывается. Кислород заканчивается в одно мгновение. Я начинаю задыхаться, поэтому судорожно втягиваю ртом воздух и хватаюсь за горло обеими ладонями. Будто бы душит кто-то...

Так и просыпаюсь, резко усаживаясь на постели.

“Три, четыре, семь, шесть, восемь: лепестки цветков мы бросим”, – до сих пор звучит в голове девичий голосок, рассказывающий незатейливый стишок.

Мне требуется не одна минута, чтобы отойти от жуткого сна. И осознать, что в спальне, помимо меня, больше никого нет. Если приступ удушья и был в действительности, то Маркус Грин на этот раз здесь совершенно ни при чём.

Тяжёлые портьеры по левую сторону не закрывают собой широкие оконные рамы, позволяя видеть, как тёмно-сизый небосвод озаряется первыми рассветными лучами. На мне надет один из гостиничных халатов, который я захватила по выходу из душевой кабины накануне вечером. Он большой, мягкий и тёплый, но его наличие всё равно не помогает справиться с ознобом, прошивающим насквозь.

Не уверена в том, стоит ли мне выходить из спальни, но желание заполучить хотя бы парочку глотков чего-нибудь горячительного берёт верх над всем остальным. Да и в горле пересохло. И пусть то будет не чашка кофе или чая. Янтарная жидкость из графина, которую употреблял англичанин, прежде чем надругаться над моим телом, – тоже сойдёт.

“Девять, десять и двенадцать: ты не думай поддаваться”, – всплывает в разуме, пока открываю двери, оказываясь в окутанной полумраком гостиной.

Пальцы слегка подрагивают, когда я на четверть наполняю стакан алкоголем. Прежде чем выпить, зажмуриваюсь. Только потом опрокидываю обжигающую жидкость залпом. Из-за собственного жеста и не замечаю сразу, что в гостиной нахожусь уже не одна. И, лишь открыв глаза, натыкаюсь на одетого с иголки Маркуса Грина, внимательно наблюдающего за мной у дверей второй спальни.

На нём другие костюм и рубашка. Но, могу поклясться – галстук тот же самый. По крайней мере, именно так мне думается, стоит заметить аккуратно повязанный атрибут мужского гардероба из чёрного шёлка. К тому же того галстука, который я оставила валяться посреди гостиной, – нет.

– Доброе утро, Маркус, – нарушаю тишину первой.

Не из приветливости, конечно.

Просто, молчание... Нервирует.

– И тебе, – отзывается мужчина.

Он так и продолжает сканировать меня задумчивым взглядом с головы до ног, а я тем временем начинаю сомневаться в том, что у bruneta всё в порядке с памятью.

Да сколько ещё ему понадобится меня изучать?!

– Если тебе ничего не нужно, я вернусь обратно... – стараюсь оставаться вежливой, но договорить не удаётся.

Зато успеваю пожалеть о том, что вообще сказала такое.

– Нужно, – перебивает меня Маркус, активируя освещение. – Остайся.

Честно говоря, приходится приложить немало усилий, чтобы удержать на лице маску отстранённости, между тем как моё подсознание самым бессовестным образом принимается рисовать все возможные исходы ближайшего будущего. Ни один из них, естественно, мне и близко не нравится.

– Позавтракаем вместе, – дополняет Грин.

А вот об этом я как-то не подумала...

– Или у тебя специальная диета и ты по утрам только ирландский виски употребляешь? – уточняет он насмешливо, пока я пребываю в очередном замешательстве.

– Диета? – переспрашиваю растерянно. – Нет, конечно, – сама же отвечаю.

Мужчина едва заметно ухмыляется и жестом указывает мне на диван, стоящий по центру комнаты. Как только я усаживаюсь, раздаётся негромкий стук в двери, ведущие на выход из апартаментов. Понятия не имею, когда англичанин успевает сделать заказ, но нам действительно доставили завтрак.

К яичнице с беконом я не притрагиваюсь, а вот горячие круассаны с яблочной начинкой, к которым полагается ореховый латте, – мне очень даже нравятся.

После того как служащий отеля оставляет нас вновь наедине, англичанин не произносит ни слова, позволяя нам обоим насытиться в тишине. В какой-то степени я даже благодарна ему, ведь, только проглотив большую часть выпечки и допив сладкий напиток, понимаю, насколько же голодна была до этого момента. Однако моя доброжелательность быстро испаряется, стоит совместному приёму пищи закончиться. А всё потому, что...

– Знаешь, что больше всего в тебе раздражает? – жестоко ухмыляется Маркус.

Надеюсь, комментировать не обязательно. К тому же более чем уверена, мужчина обязательно и сам поведаёт это “дивное открытие”, не интересуясь моим мнением по данному поводу.

– Ты... – вновь заговаривает брюнет, не дождавшись от меня ответной реакции, но так и не договаривает дальше.

Раздаётся повторный стук в дверь, и мужчине приходится идти открывать. На этот раз нас посещает аж две персоны. И не из числа персонала отеля.

– Доброе утро, мистер Грин, – здоровается первым полноватый старичок за шестьдесят в модном дизайнерском костюмчике.

Он поправляет свои очки в пластиковой чёрной оправе и окидывает меня оценивающим взглядом с головы до ног, будто тоже купить собирается и при этом сильно сомневается в том, стоит ли оно того вообще. В его руках довольно внушительного объёма дорожный саквояж на манер сороковых годов. Стоящая за его спиной высокая худощавая брюнетка в строгом сером пальто и вовсе не подаёт никаких признаков того, что заметила моё присутствие. Она сухо кивает англичанину в знак приветствия.

– Доброе, мистер Марино, – отзывается Маркус, глянув на свои наручные часы. – У вас есть час, чтобы она, – даже не смотрит в мою сторону, – была готова к отъезду.

Не считая нужным объясняться более подробно, он удаляется обратно во вторую спальню, плотно прикрывая за собой дверь.

И вот кто бы сказал, почему становится так обидно...

– Меня зовут Амадео, я принёс вам кое-какие вещи, чтобы хватило на первое время, – наконец вспоминает о вежливости итальянец.

Он проходит к дивану и распаковывает саквояж.

– Зои, – обозначаю для него то, как ко мне можно обращаться.

Мужчина едва заметно кивает, визуально больше занятый вещами, которые достает и раскладывает на спинке дивана.

– А это мисс Остин, она проведёт медицинский осмотр, – поясняет дальше итальянец. – У мисс Остин проблемы с речью, поэтому не обижайтесь на её немногословность, – дополняет снисходительно.

Понятливо киваю, цепляя на лицо дежурную улыбку.

Честно говоря, по большей части мне откровенно плевать, кто они такие и какое отношение выказывают в сторону моей персоны. Я здесь не для того, чтобы мною любовались и восторгались. Главное, чтоб побыстрее уже всё это закончилось. Потому и проявляю завидное терпение и послушание в дальнейшем, пока каждый из присутствующих осуществляет то, зачем явился.

По истечении последующего часа меня одаривают двумя коктейльными платьями, одними джинсами и юбкой, тремя блузами свободного кроя, курткой по сезону, замшевыми ботильонами и парой чулок, а также противозачаточной инъекцией, чьё действие будет длиться в течение двенадцати недель.

– Неплохо, – подводит итог равнодушный голос вернувшегося Маркуса.

Не проходит и минуты, как мистер Марино и мисс Остин расшаркиваются в скупом прощании и удаляются из номера. Мы тоже там не задерживаемся надолго. Стоит сложить некоторые полученные вещи в тот самый саквояж, который принёс Амадео, как англичанин приказывает спускаться вниз.

На этот раз мы пользуемся лифтом и центральным входом в здание. Автомобиль Грина вместе с личным водителем уже ждёт нас на улице. Последний забирает мой багаж и вежливо открывает дверцу, позволяя усестыся в салон первой. Я не знаю, куда мы направляемся, ведь никто из них не считает нужным поставить меня в известность. Последнее и озвучиваю вслух, как только за окном начинают всё быстрее и быстрее мелькать улочки Рима, а после и вовсе заканчиваются, сменившись загородным шоссе.

– Куда мы едем?

Брюнет, как и в последние минуты, со скучающим видом продолжает листать входящие сообщения электронной почты на нетбуке, внешне никак не реагируя на мой вопрос. И если совсем недавно равнодушие англичанина по странной причине укололо подсознание волной обиды, то теперь отчего-то на меня накатывает неприкрытое раздражение.

– Куда мы едем, Маркус? – интересуюсь повторно с нажимом.

Молчаливый собеседник не сразу, но всё же нехотя отрывается от созерцания какой-то информации и демонстративно удивлённо приподнимает бровь. На его губах расплывается снисходительная насмешка.

– Надо же, – протягивает он лениво, – а я уж было подумал, что ты и вовсе неживая... Зои Риверс, – выделяет имя, будто наполняет его ядом.

На секунду теряюсь. И невольно вспоминаю о разговоре, который мы так и не завершили в номере отеля.

– Что это значит? – прищуриваюсь, пытаюсь осмыслить, где же всё-таки умудряюсь напортачить за такое короткое время.

На подготовку линии моего поведения ушло несколько долгих нудных месяцев. И она более чем соответствует заявленным стандартам тех толстосумов, покупающих на аукционе живые души, как будто кусок невоодушевлённого мяса. Тогда что не так? Что его не устраивает? Или... Неужели перестаралась?

Додумать не удаётся. Ровно как и дожидаться реакции от самого англичанина.

Глухой удар груди металла сопровождается мощным толчком. Я не успеваю понять причину происходящего, как и сориентироваться, прежде чем меня отбрасывает с сиденья лимузина вглубь салона. Висок простреливает жгучая острая боль, а мир перед глазами быстро тает, превращаясь в смазанное тёмное пятно... Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я возвращаюсь в реальность.

Запах гари и копоти, очевидно, давно наполняет мои лёгкие, и я громко кашляю, оглядываясь по сторонам. Голова кружится, а к горлу подкатывает приступ тошноты, и сфокусироваться хоть на чём-то довольно трудно. Раскуроченный салон лимузина наполняет едкий дым. Сквозь него так сразу не удаётся различить бессознательное тело англичанина, лежащего на полу неподалёку. Приходится приложить немало усилий, чтобы совладать с собственным телом и доползти сначала до автомобильной дверцы, которая поддаётся лишь после третьей попытки оттолкнуть её, а уже после – до мужчины.

– Маркус, – зову тихонько, склоняясь к нему ближе.

Дышит. Но совершенно никак не реагирует на мой голос. И даже лёгкая встряска за плечо не помогает привести его в чувства. К тому же моя тошнота вместе с головокружением усиливаются – повторное обморочное состояние совсем близко, поэтому ничего не остаётся, как покинуть горящую машину, потащив за собой брюнета.

Какой же он тяжёлый!

– Вот тебе бы специальная диета точно не помешала, – ворчу недовольно себе под нос, самым бессовестным образом обессиленно рухнув прямо на асфальт.

Надо бы перевести дыхание...

Мы примерно в десяти шагах от лимузина, большая часть которого объята пламенем. Как и невзрачный старенький внедорожник непонятной марки, протаранивший собой на пустом перекрёстке машину, в которой мы совсем недавно находились.

Вот и виновник аварии...

– Дерьмо, – выдыхаю отрывисто и стараюсь смотреть куда угодно, но только не туда, где располагаются водительские места обоих участников столкновения.

Тем, кто там находится, уже ничем не помочь.

Проходит несколько невероятно долгих минут, но на дороге до сих пор нет ни единой души, кроме нас, а пялиться на хмурое небо и ждать помощи невесть откуда я откровенно устаю. Собственного средства связи у меня нет, поэтому приходится обыскивать моего спутника в надежде, что его телефон всё ещё при нём. Однако продвинуться дальше обыска карманов брюк не получается. Запястье сковывает стальной хваткой, не позволяющей отдёргнуть ладонь.

Англичанин приходит в сознание...

Он болезненно морщится, прежде чем медленно открывает глаза, и обхватывает себя за затылок. Мою руку так и не отпускает. Наоборот, сжимает до такой степени, что конечность немеет. И я едва сдерживаюсь, чтобы оставить всё как есть.

Глубоко вдыхаю.

Девять, десять и двенадцать: ты не думай поддаваться...

– Где Ричард? – звучит ледяным тоном от Маркуса.

По всей видимости, он имеет в виду водителя, поэтому перевожу виноватый взгляд в сторону догорающих машин. Вслух ничего не говорю.

– Тогда... – продолжает мужчина, но я так и не понимаю, что именно он собирался сказать, потому что Грин замолкает, а взор цвета тёмный ультрамарин темнеет, пока его обладатель придирчиво осматривает окружающее. – Ты спасла мне жизнь, – проговаривает мрачно спустя короткую паузу.

На благодарность это мало похоже, поэтому безразлично пожимаю плечами в ответ. И деликатно опускаю даже в мыслях тот момент, что я всего лишь подарила Маркусу Грину отсрочку от смерти. Недолгую. Как только получу то,

зачем появилась в его жизни, лично поспособствую тому, чтобы это осуществилось в кратчайшие сроки.

- Ты как? - резко меняет тему и подаётся вперёд.

Он внимательно вглядывается в моё лицо и касается виска, которым ударилась при падении. Когда мужчина отстраняется, вижу кровь на кончиках его пальцев.

- Где болит? - спрашивает снова.

Брюнет достаёт из кармана пиджака кремовый платок, а затем аккуратно и сосредоточенно вытирает моё лицо, пока я пытаюсь найтись с ответом.

И никак не могу определиться.

- Ничего у меня не болит, - выдаю в итоге. - Голова кружится немного.

Уголки его губ приподнимаются в подобии улыбки.

- Хорошо, - отзывается, поднимаясь на ноги и вместе с тем вынуждая стоять и меня. - Жди здесь, - командует и, наконец, отпускает мою руку.

Он идёт к месту аварии. Мне же ничего не остаётся, как растирать свою онемевшую длань, дабы вернуть ей чувствительность, и терпеливо ждать. Маркус задерживается вблизи машин считанные секунды, а возвращается ещё более мрачный, нежели прежде. А я только теперь замечаю, что на воротнике мужской рубашки багровое пятно.

Не то чтоб я сильно беспокоилась о его здоровье, но до некоторых пор Грин нужен мне живым, поэтому...

- У тебя кровь идёт, - произношу, потянувшись к нему.

Отодвинув ворот рубашки со спины, обнаруживаю источник кровотечения. Заимствую мужской платок и прикладываю к ране. На оказание первой медицинской помощи мой жест вряд ли тянет, но всё лучше, чем ничего. К тому же благодарности я за свой подвиг и в этот раз не получаю.

– Чёртовы итальяшки, – бормочет Маркус в досаде, сосредоточившись на груди искорёженного обгорелого металла, бывшим когда-то элитным авто.

Не удаётся поинтересоваться, чем ему местный народ не угодил. Брюнет резко разворачивается ко мне, а на его устах расцветает злорадная ухмылка.

– А вот теперь ты точно расскажешь, кто ты такая, а также кто и зачем тебя подослал, – проговаривает безоговорочным утверждением.

Отреагировать не успеваю. Из лёгких разом вышибает весь кислород. Горло сдавливает безжалостная хватка чужих пальцев.

– И только попробуй снова солгать, цветочек, – многообещающе протягивает Маркус, а в его глазах разгорается хищный огонёк.

От недостатка воздуха голова вновь начинает кружиться. А ещё подсознание очень навязчиво посещают мысли о том, что зря я этого социопата спасла всё-таки...

Глава 4

Лёгкие жжёт от недостатка кислорода. Однако неумолимый душащий жест англичанина не слабеет. Я цепляюсь за его руку обеими ладонями в жалкой попытке ослабить хватку и вкладываю в умоляющий взгляд, направленный на мужчину, как можно больше искренности. То совсем не срабатывает, поэтому вынужденно закрываю глаза, чувствуя, что тело охватывает слабость, а разум наполняется пустотой.

Но и пропасть в желаемом забвении мне не позволено.

– Говори, – мрачно сообщает Маркус.

Он всё же позволяет мне дышать, слегка ослабив нажим, но так и не отпускает.

Первым делом я жадно хватаю ртом воздух и стараюсь сосредоточиться на том, что должна ему сказать. Если останусь стоять на своём – уже понятно, чем всё закончится. Грин только что довольно ярко продемонстрировал степень своего истощенного терпения. Но и сознаться не могу.

– Я не понимаю, о чём ты, – шепчу едва ли разборчиво.

Нет, я не настолько тупая, чтобы вновь испытывать чужую выдержку, которой, по всей видимости, и близко не наблюдается. Просто мне требуется хотя бы немного времени, чтобы продумать дальнейшее. И желательно так, чтобы в этот раз Маркус Грин поверил.

– Не понимаешь, значит... – жёстко ухмыляется брюнет.

Ультрамариновый взор наполняется тяжестью, а по пальцам, до сих пор касающимся моего горла, проходит ощутимая судорога. Ухмылка на чужих устах превращается в злобный оскал. Его обладатель перехватывает меня за ворот куртки и бесцеремонно тащит сначала в сторону обочины, а после к виднеющимся вдали виноградникам.

– Видишь ли, Зои Риверс, – ледяным тоном отчеканивает мужчина, пока лично я начинаю задумываться о том, что мне совсем не хочется быть закопанной среди длинных рядов увядающей зелени. – Чистые американские девочки, когда отчаянно нуждаются в финансовой помощи, чтобы вылечить свою безнадежно больную сестру, обычно берут займы, работают в две-три смены в какой-нибудь ночной забегаловке или обращаются в благотворительный фонд в поисках поддержки, но никак не продают себя на закрытом аукционе, о существовании которого им знать вовсе не положено, – он резко останавливается и смотрит мне прямо в глаза. – Как правило, тех, кого там покупают, туда приводят наркотики, долги или знакомство с плохими ребятами, но точно не чистая совесть, – делает паузу и склоняется ближе, почти касаясь моих губ своими. – И уж точно они не настолько идеальны, как и их безукоризненная история... – выдыхает едва различимым полушепотом. – Либо пребывают в полном отчаянии, либо... – снова замолкает, а в глазах цвета тёмный ультрамарин вспыхивает предвкушение, – им это просто-напросто нравится... – звучит совсем тихо. – Ни того, ни другого в тебе нет, цветочек. Ночью тебя тошнило от того, что я с тобой сделал. Но при этом ты спасла мне жизнь, хотя моя смерть была бы самым лёгким путём оставить деньги и при этом избавиться от обязательств по контракту.

Он так и не отстраняется. А я не шевелюсь вовсе, обдумывая услышанное, пока мужчина напоказ медленно и плавно тянет за молнию на моей куртке.

– И эта твоя татуировка, – продолжает он задумчиво, вместе с тем проводя ладонью от моего левого бедра выше, с точностью копируя путь затаенного узора рисунка, скрытого юбкой и блузкой. – Чёрная орхидея... Всё равно что повесить на себя табличку: “Купи меня, Маркус Грин”.

Шумно сглатываю.

Ведь он чертовски прав!

Перестаралась.

– А теперь я спрошу снова. В последний раз, – обманчиво мягко заговаривает вновь, до сих пор вдавливая в меня свои пальцы, собирая ими шёлк кораллового оттенка. – Как твоё имя?

Больше не смотрит мне в глаза. Но оттого я ничуть не меньше чувствую силу его взгляда, прикованного в данный момент к моему телу. И не могу солгать.

– Я... Я не могу сказать тебе, – признаюсь нехотя, и на этом секунда моей откровенности заканчивается. – Даже если это будет стоить мне жизни, – дополняю виновато.

Последнее, впрочем, не такое уж и лицемерие.

Зажмуриваюсь, отворачиваясь. Готовлюсь к тому моменту, когда Маркус окончательно разозлится.

– Решила, что я тебя убью? – удивлённо отзывается брюнет, вопреки моим ожиданиям. – Нет, цветочек. Это будет слишком легко для тебя. И не принесёт мне никакой пользы, – обхватывает пальцами за подбородок и поворачивает, заставляя снова смотреть на него. – Уж не знаю, что такого произошло в твоей жизни, что ты согласилась шпионить для кого-то около такого, как я, но будь уверена, хуже, чем то, что могу с тобой сделать я, быть точно не может, – звучит откровенным обещанием, а в тёмных глазах вновь разгорается хищный блеск. –

С другой стороны, я могу просто оставить тебя здесь, и всё, – тон неожиданно меняется на равнодушный, а мужчина резко отшатывается. – Миллион евро не настолько большая потеря, чтобы терпеть рядом с собой твоё присутствие, – разворачивается и возобновляет путь к стройным рядам живности.

Но уже без меня.

Да твою ж...

– Маркус! – вынужденно бросаюсь за ним следом.

Но он никак не реагирует на мой крик. Учитывая рыхлую травянистую почву и уровень танкетки на моих ботильонах, догнать мужчину удаётся лишь спустя полминуты и уже на территории виноградника. В итоге я всё же спотыкаюсь и машинально хватаю его за руку, чтобы не упасть. Благо, англичанин всё же останавливается и ответно сжимает мою ладонь, не позволяя рухнуть.

– Ты прав, я врала тебе, – проговариваю поспешно. – Мой брат, он... Игрок. Проиграл в карты. Очень много денег. Я не знаю, кто они и что им от тебя нужно. Я лишь делаю то, что мне велят. Мне сказали быть рядом с тобой. И ждать следующих распоряжений, – к горлу подкатывает ком, который я вынуждена проглотить, прежде чем говорить дальше. – Иначе меня пустят по кругу и отправят в какой-нибудь бордель, а брата убьют, – произношу совсем тихо, уставившись на его лаковые ботинки. – Пожалуйста, Маркус, не отказывайся от меня... – дополняю совсем тихо, чувствуя, как на глаза наворачиваются долгожданные слёзы. – Ты ведь хотел себе рабыню, ты получил её. Я сделаю всё, что захочешь. Уж лучше с тобой, чем с ними.

Кто бы знал, чего мне стоит озвучить всё это!

Теперь остаётся только надеяться, что англичанин проникнется моей ничтожностью и беспомощностью... Так и выходит. В какой-то мере.

– Всё, что захочу? – вкрадчиво уточняет Грин и дёргает на себя.

Буквально впечатываюсь в него, а сердце мгновенно начинает биться чаще.

Очевидно же, что я сильно погорячилась, пока сочиняла на ходу историю, основанную на том, что он сам мне поведал об остальных девушках, проданных на аукционе для богатых извращенцев.

– И с чего ты вообще взяла, что со мной будет лучше? – задает новый вопрос, не давая времени ответить на предыдущий. – Может, и я решу поделиться тобой с другими. Знаешь, такие как я, – часто так поступают, – улыбается, вопреки жутким словам, с какой-то странной теплотой и нежностью, заботливо заправляя прядь моих волос за ухо. – Уверена, что жизнь твоего брата-неудачника стоит всей жестокости, которую я на тебе обязательно испробую? У тебя на счету полно денег. Хватит, чтобы отдельный остров себе даже купить, если захочешь. И ты вполне можешь скрыться где-нибудь, где тебя никто и никогда не найдёт... Так что, цветочек, всё ещё уверена, что готова остаться со мной и дать мне всё, что я захочу?

А ведь и в этот раз прав... Сволочь!

Мысли вспыхивают мириадами противоречий.

– Ты не сделаешь этого, – проговариваю глухо.

И сама плохо верю себе.

Но в то же время очень надеюсь, чтобы так оно и было.

– Ладно, – подозрительно легко сдаётся Маркус, беззаботно пожимая плечами.

Мою руку так и не отпускает. Снова возобновляет шествие по направлению вглубь виноградника, потянув меня за собой.

– Ладно? – переспрашиваю вынужденно, подстраиваясь под его шаг. – То есть я останусь с тобой? И никаких других мужчин, кроме тебя, не будет?

Как-то легко он сдаётся, вот и не верится...

– Ну, после того, что ты мне рассказала, я бы тебя в любом случае уже не отпустил, – отзывается Грин. – Как минимум потому, что с твоей помощью я

поймаю тех, кто пытается до меня добраться. Так что да, цветочек: ты останешься со мной. А другие мужчины... Зависит от того, как ты себя будешь вести, моя фальшивая рабыня, – выделяет последнее слово насмешливой интонацией. – К тому же... Неужели и правда решила, что я действительно позволю тебе уклониться от условий выполнения контракта и просто так подарю миллион евро? – заканчивает в снисхождении.

Мне требуется добрая минута, чтобы осмыслить всю полноту... Подставы!

– Ты!.. – восклицаю в возмущении.

Я бы ещё много чего добавила, но вряд ли англичанин оценит всю полноту “русского могучего”, а ничего другого в голову пока не приходит.

А раздражение от всей нелепости ситуации растёт и растёт...

Это же надо! Так глупо попасться!

– Лжец? – интересуется встречно Маркус. – Да. Такой же, как и ты, – ухмыляется и останавливается, разворачивая меня к себе. – Паршивое чувство – быть обманутым, не так ли? – вновь касается моих волос, на этот раз поправляя локоны с другой стороны лица, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отпрянуть назад. – Кстати, об этом, – меняет тему разговора. – Ты правда девственница? Скольких на самом деле ты обслужила до меня? – проводит кончиками пальцев от скулы ниже к губам. – Ну же, признайся честно, маленькая обманщица, а то этот дивный ротик на удивление хорошо справляется... – дальше я слушать просто не в силах.

Свободная рука сама собой замахивается.

Жаль только, реакция потенциальной жертвы пощёчины оказывается чересчур хороша. Он перехватывает мою ладонь совсем близко от его лица. Сжимает слишком сильно и отводит в сторону. И больно не ему, а снова мне.

– Пошёл ты со своими догадками! – вскрикиваю, отдёргивая руку.

Попытка освободиться оказывается безуспешной. К тому же ультрамариновый взор знакомо темнеет и наполняется тяжестью. Маркус бесцеремонно толкает меня к железной решётке, к которой привязаны виноградные лозы.

Сооружение выдерживает удар. В отличие от меня.

Да, я готовилась к чему-то подобному долгое время, но теперь, когда сталкиваюсь с этим в реальности... Поясницу простреливает острой болью. Сердце заходится в бешеном ритме. Громогласные удары отражаются в сознании, подобно ударам молота по наковальне.

Запястья перехвачены одной его рукой и заведены вверх. Вторая ладонь моего персонального мучителя опускается на горло, слегка сдавливая, но не задерживается надолго в одном положении, плавно опускаясь ниже.

- Ты так и не ответила, цветочек, - напоминает о былом Маркус.

Пуговичка за пуговичкой – блуза оказывается расстёгнута, обнажая неприкрытое нижним бельём тело. Холодный ветерок вызывает озноб и мурашки по коже. В то же время моих приоткрытых губ касается горячее дыхание. Мне так и не удаётся что-либо сказать.

Неожиданно нежный, но вместе с тем требовательный и страстный поцелуй отбирает мой кислород. И выворачивает душу. Понятия не имею, что со мной происходит. Но, если бы этот мужчина бил меня плетью в самой жестокой форме, я бы и то не чувствовала столько безудержной внутренней боли. Настолько яркой и необъятной, что она мгновенно заполняет рассудок, не оставляя мне даже капли здравого смысла. И я тону в этом зыбком омуте. Вязну и пропадаю, оставляя там все истинные мысли и желания. Прячу свои настоящие эмоции глубоко-глубоко, где никто не дотянется до них. Даже я сама.

И только потом возвращаюсь в реальность.

Сжимаю пальцами металлическую решётку над головой, цепляясь за неё, как за какой-нибудь спасительный маяк, в то время как Маркус приподнимает меня выше. Ненадолго поднимаю лицо к хмурому осеннему небу и закрываю глаза.

Ничего не помнить. Не знать. Не чувствовать. Ни ласковых настойчивых прикосновений чужих рук, губ. Ни жаркого дыхания, обжигающего мою ледяную кожу, снова и снова отнимающего способность свободно дышать. Не хочу...

Но я должна.

Ведь просто никогда не бывает.

Нет необходимости переступать через себя повторно и делать что-либо ещё. Достаточно дожить до того момента, когда всё закончится. Физиология сама сделает своё дело. Надо просто потерпеть. Отпустить ту тьму, что я совсем недавно обрела. Поддаться чужой воле. Слегка подыграть. Убедить и Маркуса, и себя, что эта моя очередная ложь ещё вполне может быть правдой.

Неважно, что совсем скоро итог происходящего принесёт очередную волну боли. Ещё более сокрушительную, нежели прежде. Не физическую. Нет. На неё давно плевать. Иначе бы я никогда не решилась на то, во что ввязалась.

– Ох, – единственное, что срывается с моих уст наравне с тихим всхлипом, как только мужская плоть наполняет изнутри одним резким толчком.

Действительно, не больно.

Юбка на мне задрана по пояс, а ноги обвивают мужской торс. По венам снова будто электричество пускают. Мельчайшие разряды пронизывают тело и воспаляют кровь, норовя повторно сжечь подсознание и превратить в пепел. Я кусаю собственные губы, стараясь сконцентрироваться на этом ощущении и немного грубых глубоких проникновениях, постепенно увеличивающих темп движения внутри меня. Ведь Маркус Грин ни за что не должен знать, насколько мне банально всё равно на то, что он со мной сделает.

Мгновения тянутся целой вечностью, а секунды превращаются в бесконечность, прежде чем столь необходимая искра раскалывает подсознание мириадами осколков наслаждения. Я жадно хватаю ртом воздух и вновь смотрю на затянутое облаками небо, пока мужчина также достигает пика удовольствия. Проходит ещё минимум минута, и только потом он выпускает из своих объятий, отчасти позволяя стоять самостоятельно. Всё равно придерживает, будто бы опасается, что я упаду, тем самым зарождая где-то на краю моего разума новую

тень противоречий.

– Убедился? – спрашиваю, но на собеседника не смотрю, хотя и так знаю, что испачкала его своей кровью. Поправляю юбку. – Или мне всё ещё нужно тебе ответить? – уточняю, не справившись с кривой усмешкой на своих губах.

Как только нижняя часть одежды оказывается в порядке, принимаюсь застёгивать блузку, но не удаётся продеть в петлю даже первую пуговицу. Маркус вновь прижимает меня к металлической решётке, сжимая одной рукой за шею. Жест кажется уже настолько привычным, что я совсем не удивлена и не растеряна. Просто жду того, что будет дальше.

– Разговорчивая, строптивая рабыня... – шепчет тихо-тихо и скользит губами по моей скуле, шумно вдыхая. – Мне нравится больше, да... – дарит лёгкий поцелуй в висок, а после дополняет снисходительно: – Но не переходи границу, цветочек. Тебе не понравится то, что ждёт за ней.

Слова не звучат угрозой. Скорее, откровенным обещанием. Наверное, именно поэтому они действуют на меня гораздо больше, нежели мы оба могли ожидать.

Сердце пропускает удар. Я забываю, как надо дышать.

“Три, четыре, семь, шесть, восемь: лепестки цветков мы бросим. Упадут они на оземь – и настанет снова осень”, – звучит в моей голове.

Теперь, когда я больше не тону в своей персональной тьме, боль возвращается. Слишком острая, чтобы я могла так сразу справиться с ней.

– Вот и умница, – по-своему расценивает мою реакцию brunet.

Он отстраняется. Сам заканчивает поправлять мою одежду, в том числе и верхнюю, а после берёт за руку, и мы продолжаем идти дальше.

– До места, куда мы направлялись перед аварией, осталось чуть больше трёх миль, если идти не по шоссе, – указывает направление впереди себя в скупом пояснении.

Молча киваю, принимая его слова. И, сколь бы ни хотелось прежде поинтересоваться тем, что же это за место такое, раз дорога к нему настолько безлюдна, весь последующий час я смиренно бреду за мужчиной, обдумывая совсем иное.

Сегодняшнее утро слишком сильно изменило мои планы на ближайшее будущее. Теперь, очевидно, придётся импровизировать ещё чаще...

Глава 5

Посреди широкого пустого поля тянется длинная полоса из бетона, в конце которой виднеется ангар, а чуть поодаль – ещё несколько строений. Перед одноэтажным домиком из брусьев припарковано два пикапа, а около вышки связи – четыре седана государственного назначения, вокруг которых крутятся с десяток карабинеров в чёрной униформе.

– Военные? – невольно срывается с моих уст.

В этот момент те, кем интересуюсь, замечают меня и Маркуса. Двое из них торопятся нам навстречу. Я так и не получаю ответа на свой неопределённый вопрос. Грин вообще не обращает на меня никакого внимания, сосредоточившись на других персонах.

В итальянском я не сильна, поэтому весь разговор проходит мимо моего понимания. Впрочем, он не такой уж длинный.

Перебросившись с представителями министерства обороны парой фраз, англичанин ведёт меня к жилому домику, на пороге которого нас встречает ещё один итальянец. Пожилой, сухопарый мужчина приветливо улыбается нам обоим и провожает в небольшую, но уютную гостиную, что-то беспрестанно треща на непонятном мне языке. Судя по жестикуляции и взволнованной интонации, он беспокоится о произошедшем вполне искренне.

Вскоре мне вручают чашку тёплого латте, а после дают возможность привести себя в порядок в одной из спален дальше по коридору. Брюнет оставляет меня

там одну и возвращается на улицу. Могу видеть последнее сквозь высокое окно с низким подоконником, усыпанным множеством подушек в рюшечках.

Вообще, комната, в которой я оказалась предоставлена самой себе, с первого взгляда не так уж и сильно напоминает девичью комнату – из обстановки только грузный шкаф и узкая кровать, аккуратно заправленная покрывалом шоколадного оттенка. Но вряд ли тот гостеприимный итальянец балуется дизайнерским парфюмом и использует запечённые румяна, обнаружившиеся в туалетной комнате, когда я умываюсь и избавляюсь от следов произошедшего за время, как покинула отель.

Спустя несколько минут на территории появляется ещё несколько автомобилей, на этот раз с полицейскими в синих рубашках. Они общаются с Маркусом, между тем как я продолжаю наблюдать за происходящим через окно и наслаждаться ещё не совсем остывшим латте, щедро сдобренным корицей... Кто вообще повседневно пьет латте с корицей?

Глупый вопрос. Ведь я точно знаю ответ.

Он – тот же самый, что служит ответом и тысяче других вопросов, не дающих мне спать по ночам на протяжении уже более года.

Маркус Грин.

Вот уже несколько часов подряд в моих лёгких застрял этот аромат кофе и корицы, исходящий от мужчины. Почувствовала его с того момента, как только впервые приблизилась к англичанину. И, сколь бы ни пыталась абстрагироваться от этого пронизывающего ощущения, оно всё равно буквально обволакивает меня незримой пеленой, въедающейся в нутро.

Хуже всего то, что почему-то начинает казаться – куда бы я ни делась после, как бы далеко ни был от меня Маркус Грин – терпкий запах навсегда останется со мной. Но так быть не должно. Ни в коем случае. Как минимум потому, что это начинает мне нравиться... А я начинаю сомневаться. Абсолютно во всём, в чём была стопроцентно уверена ещё какие-то сутки назад.

Когда-то я провела сотни бессонных ночей, разглядывая идеальные волевые черты лица этого мужчины, запечатленные на фотографиях. У меня таких было

даже не десятки. Сотни. Я смотрела и смотрела на них, словно безумная, чувствуя, как в душе зарождается ядовитая ненависть к жестокому бессердечному зверю, прячущемуся за фасадом обычного мужчины, занимающего высокое положение в обществе.

Однако теперь ненависти я совсем не испытывала, сколь бы отчаянно ни пыталась искать её в себе, – лишь силу притяжения, что, подобно магниту, вынуждает изучать каждый жест и изгиб силуэта, от которого так и веет силой, источающей угрозу одним фактом своего существования. Ту самую, способную погубить и признать, что этот магнетизм влияет и на меня.

Наверное, именно поэтому становится действительно страшно.

Нет, я боюсь не самого Маркуса. Того, о чём задумываюсь сейчас.

Всё не так должно было быть. Гораздо проще. Никаких эмоций. Он использует меня – я использую его, беру, что необходимо, и заставляю расплатиться за свершённые грехи. А теперь... Почему я вообще об этом думаю? Ведь не должна... Но и Грин совсем не выглядит как слетевший с катушек психопат.

Хотя, возможно, стоило бы просто прекратить бездумно пялиться на него и вспомнить о том, что всё, что в нём есть сейчас внешне, – полная фальшь. Точно такая же, какой прикрываюсь я сама. Но я не в силах сделать этого – перестать вновь и вновь смотреть на англичанина. Изучать. Не только его самого, но и то, каким образом я воспринимаю его в настоящем, а не с чужих слов. Ведь Маркус Грин не кажется действительно жестоким. Властным – да. Немного высокомерным. Расчётливым. Слегка отстранённым. Знающим себе цену. Но не истинно жестоким. Во всяком случае, не тем, кто мог бы быть способен изувечить до смерти двенадцать женщин.

– О чём задумалась, цветочек? – вырывает из пелены тяжких раздумий голос того, чей образ никак не выходит из моей головы.

Погрузившись в длительное самокопание, и не заметила, как полицейские уехали, а брюнет вернулся в дом.

Чёрт, мне нужно собраться! Перестать быть такой рассеянной!

– О тебе, – признаюсь честно, обернувшись. – Ты кажешься... Нормальным. То есть... Иногда мне начинает казаться, что ты и я... Будто не было никакого аукциона, – выдаю как есть.

В конце концов, глупо полагать, будто я могла бы реально получить менее чем за сутки два оргазма с кем-то вроде того же нелицеприятного толстосума, у колен которого сидела обнажённая азиатка на поводке. Тем более что заслуга в этом явно принадлежит по большей части стоящему передо мной, а не только моему исключительному самовнушению.

– Что, разочарована?

Скорее, сбита с толку...

– Я не это имела в виду, – ухожу от ответа.

На его губах расцветает понимающая усмешка. Он подходит ближе и склоняется, тронув сгибом указательного пальца мой подбородок.

– Как только мы окажемся в моём доме, я постараюсь компенсировать все твои ожидания, цветочек, – шепчет он мне на ухо, намеренно задевая губами мочку.

Мои глаза сами собой расширяются от удивления.

Не от самого жеста и данного слова, конечно же. Просто я уже и перестала надеяться на то, что удастся оказаться в настоящем логове миллиардера. Там, где я и желала быть с самого начала нашей встречи.

– Это что, обещание? – выдыхаю невольно.

Брюнет не отвечает. Уголки его губ дёргаются в подобии улыбки. Маркус отворачивается от меня и идёт к шкафу, с верхней полки которого достаёт два больших полотенца и аптечку. Бросает их на кровать, а после снимает с себя пиджак, аккуратно сворачивая его, прежде чем отправить туда же. Следом мужчина избавляется от рубашки и брюк, в то время, пока лично я снова веду моральную борьбу с самой собой. Всё-таки так сразу прекратить пялиться на полуобнажённое тело у меня никак не выходит.

Очевидно, англичанин часто посещает спортзал или занимается каким-то иным видом регулярных физических нагрузок. Атлетически сложенный, с широкими плечами, крепкой спиной, идеально ровным лёгким загаром – выглядит как какой-нибудь проклятый бог... Отворачиваюсь, пусть то и даётся с огромным усилием, и пытаюсь сосредоточиться на вышке связи, виднеющейся за окном.

Карабинеров, как и их автомобилей, больше нет. Пока я отвлекаюсь на присутствие Грина поблизости, они успевают покинуть территорию.

Что это за место такое вообще? Похоже на какой-то стратегический объект, вот только народа маловато вокруг и периметр открытый...

– Так и будешь здесь стоять? – тихий шёпот над самым ухом вынуждает вернуться к насущному. – Или решила отправить меня в душ одного?

Невольно вздрагиваю. И вместе с тем злюсь. Во-первых, потому что Маркус снова застаёт меня врасплох. Во-вторых – понимаю, что он намеренно так делает вот уже в который раз. Ну а в-третьих... Я сама позволяю подобное.

– Одного? – переспрашиваю и сама же отвечаю, стараясь и дальше смотреть исключительно на пейзаж за окном: – Нет, конечно, – цепляю на лицо маску лёгкой отстранённости, пряча за ней свою непомерную рассеянность. – Разве рабыня может отказать тому, кто купил её? – улыбаюсь напоказ беззаботно и стягиваю с себя куртку.

На плечи ложатся чужие ладони, слегка сжимая. Их тяжесть вынуждает меня повременить с избавлением от остальной одежды.

– Я купил пятилетний контракт, который ты добровольно подписала. Не тебя, цветочек. Хорошенько запомни это, – отстраненно проговаривает англичанин.

Но я всё равно различаю в его словах откровенный упрёк.

Впрочем, осмыслить как следует не успеваю.

– Да, я из того типа мужчин, кто не способен на ванильные отношения. Мне гораздо проще заплатить женщине, чтобы она удовлетворяла некоторые мои

потребности и при этом не выносила мне мозг всей этой конфетно-цветочной ерундой со всеми оттенками розового, – продолжает Грин всё в том же тоне. – И да, иногда мои желания выходят за грань привычных сексуальных отношений в обычных парах. Не каждая согласится на подобное... Но я точно не из тех мужчин, кто будет тешить своё жалкое самолюбие, посадив женщину на поводок, сделав из неё безвольную куклу, – делает демонстративную паузу, а после дополняет вкрадчиво: – Ты меня поняла?

Иногда, значит...

– Да, Маркус, – отзываюсь тихо. – Поняла.

Следующие полминуты я посвящаю тому, чтобы расстегнуть блузку. Пальцы отчего-то пробирает мелкая дрожь, потому и выходит довольно медленно. Возможно, тому причиной служит жаркое дыхание собеседника, которое чувствую на себе, ведь он всё ещё стоит совсем близко за спиной и даже не думает отстраняться, пока моё воображение навязчиво подсовывает возможные варианты ближайшего будущего, исходя из того, что бы было совсем недавно в винограднике. А, быть может, дело просто в том, что я банально нервничаю. Сама не понимаю, по какой причине. Ещё вчера я умудрилась появиться в зале, наполненном десятками мужчин, полностью обнажённой и при этом не грохнуться в обморок, а теперь... Чертовщина какая-то!

Руки англичанин так и не убирает. Это совсем не способствует возвращению в рассудок хоть капли адекватности и возможности мыслить здраво.

– Повернись, – шепчет мужчина и сам разворачивает к себе лицом.

Шёлк кораллового оттенка соскальзывает с моих плеч. Сердце начинает биться чаще и быстрее. И я не замечаю, как юбка вслед за блузкой также оказывается на полу, у моих ног. Просто потому, что не в силах отвести взгляда от ультрамариновых глаз.

Такая ошеломляюще глубокая синева...

– Обними, – произносит ещё тише.

Послушно выполняю веление. И, как только руки обвивают шею Маркуса, он подхватывает за бёдра, приподнимает выше, вынуждая обхватить его и ногами, а затем направляется в сторону ванной комнаты, по пути избавляя меня от обуви и подхватывая оба полотенца. Стоять самостоятельно мне удаётся только внутри душевой кабины, под разрозненными потоками горячей воды.

Мужчина больше ничего не говорит. Наполняет обе ладони прозрачным густым гелем и терпеливо медленно растирает жидкость по моему телу.

Неспешные плавные движения задевают шею, ключицы, уровень декольте, спускаются вдоль линии груди, плавно перемещаются на спину, слегка надавливая на позвоночник, массируют поясницу и переходят к ягодицам, ненавязчиво прижимая к сильному мускулистому телу, позволяя ощутить животом твёрдость его возбуждённой плоти. Я шумно втягиваю воздух и не дышу вовсе. Откровенно наслаждаюсь происходящим, невольно прикрывая глаза. Постепенно вообще начинает казаться, будто бы реальность просто-напросто перестаёт существовать. Словно кто-то ставит её на своеобразную паузу, давая мне временную передышку. И всё, что было столь значимо прежде, остаётся где-то далеко-далеко. Совсем не тревожит душу и не терзает сердце. Здесь и сейчас – есть только я и зарождающиеся волны удовольствия, которые дарит мне Маркус.

Всё ещё ни одного слова. Лишь шум воды и мягкое тепло, обволакивающее разум невесомой пеленой от нежных ласк, касающихся внутренней стороны бёдер. Сердце по-прежнему стучит часто-часто, а дыхание до сих пор не может прийти в норму. Наоборот. Словно кто-то отбирает мою способность впитывать кислород. Хорошо, заканчивается эта странная эйфория быстрее, чем мои мозги окончательно плавятся от умелых манипуляций находящегося поблизости соблазнителя.

Вода выключена. Маркус заворачивает меня в одно из полотенец, прикрывает часть своего тела другим, и мы оба возвращаемся в спальню.

– Чья это комната? – не выдерживаю обоюдного молчания первой.

Почему-то никак не покидает навязчивое ощущение, что в следующую секунду сюда зайвится та, кто обитает здесь на постоянной основе. А если учесть, что никакого затвора на дверях здесь и в помине нет, то...

Чудная картина предстанет тогда перед её глазами!

– Моя, – отзывает Грин.

Едва собравшаяся в единое целое картинка одного из вариантов ближайшего будущего рассыпается в моём сознании в пух и прах.

– Твоя? – переспрашиваю бестолково.

Брюнет беззаботно пожимает плечами.

– Что, выгладит не очень презентабельно? – ухмыляется встречно.

А мне требуется ещё пара секунд, чтобы осмыслить всю полноту сказанного.

– Не в том дело, – оправдываюсь, по-новому глядя на окружающее пространство. – Просто... – хмурюсь, всё ещё пытаюсь усвоить полученную информацию. – Зачем тебе здесь... То есть, что это за место такое?

Англичанин едва заметно улыбается, окидывая меня снисходительным взглядом, подобным тому, каким учитель может смотреть на нерадивого ученика.

– Аэродром, – кивает в сторону окна, вынуждая посмотреть туда же. – Частный.

Высокие двери ангара, содержимое которого прежде для меня было загадкой, распахнуты настежь. Внутри я замечаю трёх рабочих в ярко-оранжевых комбинезонах. Один из них – тот итальянец, который встретил нас на пороге дома. Все они крутятся около воздушного лайнера довольно внушительных размеров.

– Твой аэродром? – вношу уточнение.

Маркус кивает в знак подтверждения, будто бы нет ничего особенно в том, чтобы иметь собственную взлётную полосу, и открывает аптечку. Вынимает из неё стерильный бинт, пластырь, антисептик для обработки ран и тюбик какой-то мази, надпись на котором лично мне ни о чём не говорит.

– А карабинеры... Что они здесь делали? – задаю новый вопрос.

Наверное, стоило бы помолчать, но приступ любопытства уже не остановишь...

– Один из моих партнёров по бизнесу связан с военными. Отправил их, когда узнал, что мы выехали из отеля, но в место назначения вовремя не прибыли, – отвечает Маркус, придвинувшись ко мне ближе. – Повернись-ка... – отпускает замечание, сконцентрировавшись на ссадине у моего виска, которую заработала при столкновении машин этим утром.

Я же в то время прокручиваю в памяти количество километров, которое нам пришлось преодолеть пешком, хотя можно было бы банально дождаться помощи. То, что, пусть и запоздало, но она всё же подоспела, по всей видимости, для Маркуса никаким сюрпризом не является.

– Так что, мы отправляемся в Англию? – бросаю мимолётный взгляд в сторону улицы, где, очевидно, идут приготовления к взлёту. – Разве нам не нужно остаться из-за произошедшего? – негласно припоминаю присутствие полиции.

Вряд ли последствия такой автокатастрофы возможно уладить за пару минут, которые этому уделил Грин. Хотя, учитывая, о ком именно речь...

– Нет, не нужно, – подтверждает мою догадку брюнет, продолжая изображать заботливого доктора. – Можешь вообще забыть об этом.

Антисептик неприятно покалывает кожу, и я невольно морщусь, слегка отодвигаясь назад. Но хватка чужих пальцев на моём подбородке становится крепче и вынуждает вернуться в прежнее положение.

Вскоре мой висок украшает тонкая полоска пластыря, а Маркус выдавливает из тюбика бледно-зелёный гель, которым не менее заботливо, чем прежде, смазывает мне шею.

Ха... От синяков...

Прям долбанное откровение...

– Если вопросов больше не осталось, советую немного отдохнуть перед полётом. Мы покинем Италию ближе к вечеру, – подводит итог мужчина, упаковывая медикаменты обратно в аптечку.

На самом деле, мне есть что спросить у него ещё. Но вряд ли то стоит озвучивать. По крайней мере, в данной ситуации. Потому и молчу.

– Я пока улажу оставшиеся формальности с полицией и привезу тебе чистую одежду, – дополняет Грин, поднимаясь с кровати.

Коробочку с предметами оказания первой помощи он возвращает в шкаф. Оттуда же достаёт для себя светлые джинсы и белую футболку с длинным рукавом. К слову, кто-то уже закрыл его рану на затылке клеевой повязкой, которая даже под душем не промокла, на удивление. Одеваться мужчина идёт в ту же ванную комнату, которую покидает буквально спустя пару минут.

– Маркус, – не могу удержаться, когда он оказывается на пороге спальни.

Англичанин останавливается. Не оборачивается, хотя явно ждёт от меня продолжения.

– Почему ты купил... – поначалу собираюсь сказать “меня”, но вовремя вспоминаю о подобной оплошности, – контракт? – озвучиваю негромко. – Ведь сам сказал, что татуировка была чересчур явной провокацией.

Последующая пауза оказывается слишком долгой, чтобы я могла рассчитывать на то, что вообще смогу получить ответ на свой вопрос.

Однако Маркус Грин умеет удивлять...

– Мне было интересно, что из этого получится, – звучит от него приглушённо наряду с лёгкой усмешкой. – И ты. Тоже мне интересна, цветочек. Даже слишком.

Последнее не совсем понятно. Но узнать подробности не удастся.

Англичанин покидает спальню, бесшумно притворив за собой дверь.

Ничего не остаётся, как смотреть ему вслед, бестолково хлопая ресницами...

Глава 6

Воздушное судно, принадлежащее английскому медиамагнату, приземляется вблизи Лондона поздней ночью. С тех пор, как мужчина обозначил вслух свой интерес по отношению к моей персоне, я снова и снова прокручиваю в памяти произнесённые им слова. Но так и не в силах прийти к нужному выводу. Мысли одна за другой сменяются со скоростью света, устраивая в голове настоящий хаос из предположений и теорий относительно не только будущего, но и прошлого. Что за игру ведёт Маркус Грин? Или же наоборот... Что ничуть не легче.

Статная двухэтажная резиденция, к которой мы прибываем по истечении часа, с тех пор как оказываемся на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, больше напоминает дворец, нежели поместье, каким обозначает своё место жительства сам владелец здания.

Хотя, как раз то – вполне ожидаемо.

Несмотря на тёмное время суток, территория прекрасно освещена, поэтому мне не составляет труда различить фасад из светлого литьевого камня, украшенный фронтоном, колоннадой и широкими карнизами, пущенными по периметру, а также изящные кованые ограждения многочисленных балконов, подчёркивающие ширину больших окон.

– Обслуживающего персонала по выходным нет, так что эту ночь и ещё сутки, кроме нас с тобой, здесь больше никого не будет, – сообщает Маркус, покидая салон автомобиля, на котором мы приехали.

На этот раз Грин сам управлял серебристым спорткаром немецкого производства, который взял в том же ангаре, где остался его самолёт.

И правда – только я и он.

– Хорошо, – отзываюсь за неимением большего, следуя примеру англичанина.

Изнутри дом выглядит не менее внушительно и роскошно. Парадный двусветный холл украшает мраморная лестница, ведущая на второй этаж. На одной линии с входной группой распашные двери с прозрачными стеклянными витражами позволяют разглядеть светлую гостиную и просторную столовую, объединённую с кухней несколькими арками.

– Ближайшие пять лет ты будешь жить здесь, так что располагайся удобнее, цветочек, – снисходительно комментирует увиденное мною брюнет.

На моих губах растягивается подобие благодарной улыбки. Грин берёт меня за руку и ведёт вглубь дома. Помимо парадных помещений, внизу расположены гостевые спальни и кабинет Маркуса. Мы проходим каждую из комнат. Но не задерживаемся там надолго.

– Ещё есть оранжерея и бассейн, – указывает дальше по коридору.

Но туда мы не идём. Возвращаемся к лестнице, а оттуда поднимаемся на второй этаж. Наверху краткая экскурсия продолжается: кинотеатр, тренировочный зал, зона отдыха, ещё несколько гостевых спален и две гостиные – каждая из комнат выдержана в общей цветовой гамме, но в то же время наполнена особыми акцентами, которые я с неподдельным интересом рассматриваю.

Честно говоря, прежде никогда не доводилось бывать в подобных местах.

– Идём, – прерывает Маркус мой приступ любопытства и утягивает за собой снова.

Итогом показа жилища становятся апартаменты хозяина всего этого великолепия, исполненные в серо-бежевых тонах. Отдельная гостевая, ещё один кабинет, ванная и спальня – смежные комнаты гораздо просторнее, нежели предыдущие, хотя и те не отличаются скупостью пространства.

– Отдельной комнаты, если ещё не поняла, у тебя не будет, – проговаривает Маркус, подведя меня к огромному ложе с кожаным изголовьем.

И, наверное, стоило бы подумать о чём-то другом, но в разуме будто бы специально настроенный тумблер срабатывает, а я никак не могу избавиться от мысли о том, что к такой кровати наручниками точно не пристегнёшь... То и озвучиваю. Частично.

– А где “красная комната боли”? – срывается с моих уст.

В ультрамариновом взоре вспыживает насмешка.

– Как и у всех озабоченных маньяков, надёжно заперта и... – не договаривает, нахмурившись.

Не сразу понимаю причину произошедшего. Мужчина подходит к окну и отодвигает портьеру, на пару секунд сосредоточившись на том, что происходит на улице. В выражении его лица между тем поселяется мрачность, а снаружи доносится шум подъезжающей машины.

– Нежданные гости? – озвучиваю очевидное.

– Вроде того, – соглашается со мной Маркус.

Он как-то странно задумчиво улыбается собственным мыслям, рассеянным жестом запустив пальцы в собственные волосы, а после устало вздыхает.

– Понятия не имею, что из продуктов можно найти на кухне, но кофеварка там точно работает, – заговаривает снова в явном намёке.

Я и сама была бы очень рада порции кофеина, поэтому:

– Пойду, проверю, – улыбаюсь в ответ и, пока он не передумал меня отпустить, быстренько направляюсь исполнять задуманное.

Правда, добраться до кухни так сразу всё же не удаётся. Я замираю на середине лестницы, наткнувшись на пронзительный небесно-синий взгляд стоящего на первой ступеньке. Высокий молодой англичанин в широких спортивных штанах и простой белой майке рассматривает меня с таким неподдельным любопытством и удивлением, что просто-напросто становится неловко. К тому же покинувший

спальню следом за мной отчего-то не спешит оказаться поблизости, задержавшись где-то.

– А вы?.. – прищуривается незнакомец. – То есть добрый вечер, – расплывается в лучезарной улыбке. – Я Аарон, младший брат Маркуса...

Входная дверь хлопает, вынуждая отвлечься нас обоих.

– Рон, если только... – обращается к Аарону ещё один брюнет.

Он обрывает себя, так и не договорив, также, как и другой, уставившись на меня как на нечто диковинное и несуразное, пока я про себя отмечаю наличие и на этом мужчине свободной одежды спортивного уклона.

– Добрый вечер, – выдавливаю из себя подобие доброжелательности, обратившись к самому младшему из семейства – Райану Грину.

То, что они не знают меня, ещё не значит, что и для меня их существование – это открытие.

– Добрый... – изумлённо отзывается Райан.

Он едва заметно хмурится, бросая на Аарона мимолётный вопросительный взгляд, а после рассеянным жестом проводит по своим немного длинным волосам, как совсем недавно делал Маркус. Последнее вызывает у меня невольную улыбку. На этот раз искреннюю. Хотя... С чего бы?

– Мы заехали забрать кое-какие вещи. Не хотели никого беспокоить в такое позднее время. Не думали, что брат уже вернулся из Рима. Тем более не один... – продолжает диалог Аарон в явном оправдании, а через короткую паузу дополняет: – Вы так и не сказали своё имя...

Имя. Слишком сложный вопрос.

– Стейс, – раздаётся за моей спиной вкрадчиво.

А у меня сердце будто биться перестаёт.

В груди поселяется зыбкая пустота.

– То есть Анастасия? – переспрашивает средний из братьев Грин. – Красивое имя... – протягивает с лукавым прищуром.

На мгновение кажется, что я вновь могу дышать.

Вот только потом...

– И близко нет, – холодно реагирует его старший брат.

Стейс... Станислава.

Совпадение? Что-то плохо верится...

Мне требуется не одна минута, чтобы вернуть сознанию хотя бы подобие рациональности. Так и стою с приоткрытым ртом, пока младшие братья Грин продолжают обмениваться между собой неопределёнными и в то же время красноречивыми взглядами.

– А мне нравится. Как та княжна из мультика... – по-своему расценивает реакцию Маркуса младший из Гринов и дарит мне дружелюбную улыбку в знак подтверждения своим словам. – Приятно познакомиться. Райан.

Я всё ещё дышу-то с трудом, не то чтоб продолжить обмен пустыми любезностями. Но всё же нахожу в себе силы кивнуть в ответ.

Значит, всё-таки Анастасия. Не Станислава.

Действительно, с чего я вообще так перепугалась... Маркус никогда прежде не видел меня и не сможет раздобыть подобную информацию, сколь бы ни старался, тем более за такой короткий срок. И просто-напросто угадать он тоже не сможет. Как и вычислить случайным образом, что уже покупал когда-то на том же аукционе мою сестру – единственного родного и близкого мне человека, которой я обязана всем и даже своей жизнью.

– Так что вы здесь забыли? – произносит тем временем Маркус.

Тон звучит очень далёким от благосклонности. С другой стороны, раз англичанин счёл уместным не скрывать моё присутствие перед ними, значит всё не так уж и плохо, как кажется поначалу. Наверное.

– Оставил свои записи на прошлых выходных и только сегодня вечером вспомнил, а утром лекция, – поясняет миролюбиво Аарон, очевидно, больше меня понимая причину недовольства своего брата.

Тот в свою очередь преодолевает ещё несколько ступеней, становясь вплотную за моей спиной, и кладёт ладонь на моё плечо, ненавязчиво подталкивая вперёд. Ничего не остаётся, как выполнить негласное веление и продолжить спуск по лестнице.

– Мы будем на кухне, – проговаривает отстранённо.

Аарон кивает и возобновляет путь наверх. А вот Райан следует за нами.

– Как путешествие? – интересуется, как только мы оказываемся в нужном помещении. – Вернулся раньше... Что-то произошло? – дополняет в явном намёке.

Вот и то, что взор цвета тёмный ультрамарин наполняется тяжестью, подтверждает мои догадки. Становится не по себе. Отворачиваюсь от обоих мужчин, сосредоточившись на кофеварке и поиске ингредиентов для будущего латте. Но точно знаю, что в ответном взгляде Райана светится открытое упрямство. Кажется, на него настрой Маркуса совершенно не влияет.

– Раз вы оба здесь, очевидно, Вито уже рассказал вам всё, – не спрашивает, констатирует факт хозяин дома. – Со мной, как видишь, всё в порядке, не обязательно было приезжать в такую даль на ночь глядя, – заканчивает ворчливо.

Так вот в чём дело!

Не за конспектами всё-таки, значит.

– Ну, да, конечно, зачем беспокоиться? – хмыкает ответно Райан в открытом упрёке. – На тебя же каждый день устраивают покушения. Действительно, с чего бы нам беспокоиться...

Коробка молока, которую достала из холодильника, вываливается из моих рук.

– Покушение? – переспрашиваю растеряно, обернувшись.

На лице Маркуса расплывается вялая ухмылка. Он бросает брату укоризненный взгляд, а после поднимает то, что я уронила. Благо, упаковка до сих пор герметична.

– Даже при таком столкновении, которое мы пережили, возможность возгорания маловероятна, – терпеливо поясняет Маркус, потставив молоко на каменную столешницу кухонного острова. – Но ты сама видела, с какой скоростью распространялся огонь. Это не только авария, цветочек. Но и умышленный поджог. Тем более что водителя-виновника на месте не оказалось. Погиб только Ричард – мой водитель.

А я-то думала, что на сегодня “сюрпризов” достаточно.

– Оу... – звучит в довершение от Райана. – Так ты не знала...

В его глазах поселяется чувство вины, а я делаю усилие над собой и выдавливаю подобие улыбки, исполненной сожаления. В моей голове звенит минимум тысяча вопросов, но я не смею задать вслух ни один из них. Они разрывают меня изнутри множеством новых противоречий и сомнений...

Почему англичанин не захотел говорить мне о том, что авария не была случайностью? Ведь могу поклясться: он понял это ещё в тот момент, когда осмотрел машины, и именно поэтому мы не стали дожидаться помощи, а пошли пешком, не по шоссе. Не хотел расстраивать? Учитывая течение нашего знакомства, вопреки всему, отчасти я бы могла поверить в это. Хотя больше напрашивается иной вариант. Он подозревает меня в причастности к случившемуся? Или... Да кто посмеет открыто пойти против Маркуса Грина?!

– Всё, – неожиданно жёстко проговаривает самый старший среди присутствующих. – Хватит на сегодня.

С виду брюнет обращается к брату, но отчего-то кажется, будто истинный посыл предназначен как раз для моих мысленных терзаний. Я невольно вздрагиваю и возвращаюсь к приготовлению кофе, прогоняя туманные образы из подсознания.

– Я жив. И в порядке. Как и моя... гостья, – продолжает тем временем Маркус. – Теперь, когда ты и Аарон в этом воочию убедились, можете проваливать. Оба.

От удивления снова замираю.

Уж слишком грубо... Хотя из того, что я успела когда-то себе уяснить о последнем поколении семейства Грин, старший всегда заботился о младших братьях и испытывал к ним глубокую привязанность. Наверное, именно поэтому подобная резкость застаёт врасплох. Однако, в отличие от меня, для Райана то не становится никакой неожиданностью. Он лишь сухо кивает на слова родственника и направляется прочь из кухни, напоследок обронив:

– Приятно было познакомиться, Стейс. Надеюсь, мы ещё увидимся.

Я бы, может, и отреагировала подобающе, но Райан покидает нашу компанию гораздо быстрее, чем успеваю открыть рот. И минуты не проходит, как из холла вновь слышится его голос, на этот раз обращённый к вернувшемуся со второго этажа Аарону, а после дверь центрального входа в поместье закрывается за их спинами. Почти сразу и Маркус удаляется из кухни. Молча.

– Н-да... – ворчу самой себе под нос, наконец, по-настоящему сконцентрировавшись на кофемашине.

Последнее занимает не так уж и много времени. Вскоре две чашки долгожданного латте готовы. Я не знаю, куда ушёл хозяин дома. В спальне его не нахожу. В итоге просто остаюсь там в одиночестве, наслаждаясь маленькими глотками приготовленного напитка, раз за разом прокручивая в памяти недавние события, которые, подобно кусочкам пазла, так сразу никак не желают складываться в нужную картинку.

Проходит не один час, а англичанин так и не возвращается...

Глава 7

За окном по-прежнему темно, хотя до рассвета остаётся не так уж и много времени. Уснуть так и не удаётся. Да и вообще чувствую себя неуютно в этой огромной пустой спальне. Не уверена, можно ли мне безнаказанно шляться по всем уголкам поместья, но ведь Грин сам сказал, чтобы я устраивалась поудобнее... Вот и отправляюсь на поиски хозяина владений.

Хорошо, долго блуждать по тёмным коридорам всё же не приходится.

Нахожу англичанина в спортзале. Освещение в комнате не горит, но блики от уличных фонарей разгоняют кромешный мрак сквозь широкие окна, не обременённые шторами или жалюзи. Среди обилия зеркал и тренажёров, мужчина занимает скамью, чья спинка изогнута под углом в сорок пять градусов. На нём надеты лишь домашние штаны свободного кроя, даже обуви нет. Глаза закрыты, а руки, обмотанные бинтовкой, заведены за затылок и сцеплены в замок. Он поднимает корпус, каждый раз дотягиваясь правым локтем до левого колена, и негромко считает. Судя по всему, моё появление остаётся незамеченным. По крайней мере, внешне.

- Маркус, - произношу негромко.

Останавливаюсь в двух шагах от него. Но он совершенно не реагирует. Продолжает своё занятие, будто бы меня не существует.

Ничего не остаётся, как некоторое время просто продолжать наблюдать за бесстрастным лицом и слушать тихий голос, перебирающий цифры.

Спустя минуту вообще начинает казаться, словно я его имя вслух и не произносила. Только в мыслях. Там оно звучит, к слову, очень часто. Намного чаще, чем стоило бы. Или хотелось бы мне самой.

- Маркус, - не выдерживаю в итоге, шагнув ещё ближе.

Брюнет замирает. Складывается впечатление: не дышит даже. Только ресницы подрагивают едва заметно. Могу видеть это, потому что подошла к нему слишком близко. И никак не могу перестать смотреть в его лицо.

- Тебе не стоило ждать моего возвращения, - наконец, следует приглушённо от Грина. - И сюда приходить тоже не следовало.

Мне требуется самая долгая в моей жизни секунда, чтобы побороть порыв исправить обозначенную оплошность, отправившись обратно в спальню.

- Но я здесь, - отзываюсь как можно ровнее.

Однако в голосе всё равно проскальзывает заметная дрожь.

Хотя с чего бы это мои нервишки вновь начали пошаливать?

- И уходить, похоже, не собираешься, - отпускает замечание мой собеседник с усталой улыбкой и поднимается со скамьи. - Не спится? - дополняет с деланой заинтересованностью.

На меня он больше не смотрит. Берёт полотенце, висящее на ручке беговой дорожки, и вытирает лицо, повернувшись ко мне спиной.

- Не спится, - повторяю за ним, а через короткую паузу решаюсь озвучить и источник оного: - Случившееся вчера утром никак не выходит из головы.

Ещё хочется добавить к этому заверения о том, что я не причастна к аварии и поджогу, но то остаётся при мне. До лучших времён. К тому же вряд ли англичанин поверит, так что и стараться убеждать его нет никакого смысла.

- Это почему же? - удивлённо вскидывает бровь, обернувшись. - Попытались убить не тебя, а меня, так что лично тебе беспокоиться не о чем. Вряд ли такое снова может повториться, - умолкает ненадолго, выдержав показательную паузу, а после добавляет, выделяя ледяной интонацией: - С тобой...

В ультрамариновом взоре светится неприкрытая насмешка. И то, чего я так опасюсь увидеть. Обвинение.

Или это всего лишь игра моего воображения?

Если бы...

Меня будто насмерть к месту привинчивает этим хищным магнетизмом, с которым Маркус Грин смотрит, подобно безжалостному кровожадному хищнику, готовому прямо здесь и сейчас сожрать свою жертву, загнанную в угол.

– Не знаю, какие выводы ты сделал, но я точно не имею к этому никакого отношения, – срывается с моих уст, пока невольно отступаю на шаг назад.

И ведь не собиралась же оправдываться!

– Выводы? – переспрашивает Маркус, а его губы кривятся в жестокой ухмылке. – К чёрту выводы, – отбрасывает полотенце прямо на пол и сокращает дистанцию между нами в один быстрый шаг. – И разговоры тоже к чёрту, – снижает тональность до едва уловимого полушёпота и вместе с тем обхватывает за талию, довольно грубо прижимая к себе. – Я устал разговаривать.

Моих губ касается чужое дыхание. Обжигающее, вынуждающее чувствовать, как по телу словно микроразряды тока пускают.

Странное ощущение...

– И чего же тогда ты хочешь? – интересуюсь, не слыша собственного голоса.

То ли говорю совсем тихо, то ли просто моё сердце бьётся чересчур громко, пока я неотрывно смотрю в тёмные глаза, внутри которых до сих пор вижу неуёмный звериный голод.

– Сейчас узнаешь...

Не успеваю осмыслить всю полноту прозвучавшего обещания. Маркус шагает в сторону, увлекая меня следом за собой. Не так уж и далеко мы отходим. Он

подхватывает строп-ленту с цепью для силовых тренировок и перекидывает её через металлическую перекладину над нашими головами. Отстраняется совсем немного и скручивает со своих рук бинтовку, которую после аккуратно наматывает на мои запястья.

– Если тебе что-то не понравится, не стесняйся сопротивляться, цветочек, – предвкусно проговаривает Грин.

Отчего-то кажется, будто бы это совсем не разрешение. Скорее, пожелание.

Ничего не говорю на это.

Просто потому, что не могу подобрать правильных слов.

Вскоре мои руки подняты, а поверх бинтовки ложатся цепи.

Сначала левая рука, потом правая...

Следует глухой щелчок карабинов, фиксирующий захват металла. И ещё один. Пульт срабатывает и поднимает гимнастический турник выше, оставляя возможность дотягиваться до пола лишь кончиками пальцев ног.

Я прикрываю глаза и пытаюсь дышать как можно ровнее, чтобы оставаться спокойной. Жаль, последнее удаётся совсем паршиво.

Проблема в том, что широкие ладони Маркуса скользят по бархату платья, очерчивая линию груди, а я вновь чувствую на своих губах чужое дыхание. Прикосновения нежные, но вместе с тем настойчивые. Ещё не касаются моей кожи – только ткани, но я всё равно ощущаю жар, исходящий от них. И помню прекрасно, что могут сделать со мной эти руки.

Только от одной мысли о подобном сердце начинает биться быстрее и ещё громче, а по венам расходится странное тепло... предвкушения? Наверное, на самом деле было бы так, вот только... Маркус знает, где проходит граница дозволенного во всём, что будет после. А я – нет.

Хотя, если уж быть действительно честной с собой, – именно это и будоражит кровь. Настолько, что дыхание всё-таки сбивается, рассудок затягивает туманной пеленой непонятной эйфории, а держать собственные эмоции под контролем становится всё труднее.

Кислород в лёгких быстро заканчивается. Ведь мужчина отбирает его у меня. Целует настолько глубоко и страстно, будто бы не просто ласкает – делится со мной тем необъятным животным голодом, который переполняет его самого.

Это ощущение... Ошеломляет. Никакого притворства. Лишь чистые инстинкты. Оно буквально пронзает моё тело тысячами раскалённых игл. Пробирается в самое нутро. Изменяет. Отравляет. Ведь Маркус Грин – и есть мой личный яд истины, пропитанной соблазном, смешанной с заблуждением. Тот самый проклятый омут, в котором отчаянно хочется тонуть и вязнуть, несмотря ни на что.

– Маркус, – срывается с уст само собой, как только я перестаю чувствовать его прежнюю близость.

На лице англичанина расцветает очередная жестокая ухмылка. Он обходит меня и становится за спиной, потянув за кончики лямок, завязанных на шее сзади. Узел легко поддаётся нехитрой манипуляции, а брюнет стягивает платье вниз, позволив чёрной ткани упасть у моих ног.

Нижнего белья на мне нет. Только чулки. Судя по тому, что уже дважды мой гардероб был пополнен, а этой детали так и не предоставили... Ни к чему она.

– Скажи это ещё раз, цветочек. Мне нравится, как ты произносишь моё имя... – тихонько шепчет на ухо мужчина.

Его правая ладонь зарывается в мои волосы, собирает прядки, наматывает на кулак и оттягивает назад, вынуждая запрокинуть голову. И всё, что удаётся выдать из себя в ответ, – лишь протяжный стон, потому что следом за сказанным мой искуситель одаривает шею жалящим поцелуем, а затем прикусывает кожу и резко разворачивает к себе лицом.

– Маркус...

Цепь тихонько позвякивает, когда я слегка дёргаюсь. Но звук быстро теряется среди полумрака, окутывающего зал, и вновь наступает тишина.

Перекрещенные железные путы впиваются в мои запястья ещё сильнее и более болезненно, нежели прежде, а я задыхаюсь, ощущая тяжёлый пронзительный взгляд цвета тёмный ультрамарин, откровенно наслаждающийся тем, как я извиваюсь, пойманная в ловушку.

– Повтори...

Его правая ладонь до сих пор тянет за волосы. Немного сильнее, чем я могла бы с лёгкостью выдержать. А левая умещается между моих ног, предельно нежно и медленно поглаживая внутреннюю сторону бедра.

Контраст ощущений отзывается в подсознании острым диссонансом и... Воспламеняет кровь ещё ярче прежнего. Я буквально чувствую лёгкие покалывания по коже, подобные разрядам тока. Уже знакомое ощущение. И я знаю, как раскалить его до тех пределов, когда пылающая изнутри агония принесёт сладостное облегчение. Нам обоим.

– Маркус... – произношу то, что он желает услышать.

Подаюсь вперёд, насколько это возможно в силу моего положения.

– Пожалуйста... – добавляю вынужденно.

В мои губы впивается очередной жестокий поцелуй, напоминающий больше многочисленные укусы. Можно подумать, англичанин намерен выпить меня, вытянуть всю душу, оставить клеймо. И я принимаю эту грубую ласку, будто бы с ума схожу вместе с ним. Впрочем вряд ли могло бы быть иначе.

– Ох... – вновь теряю контроль над речью, как только мужчина проталкивает в меня два пальца.

На этот раз он не даёт времени привыкнуть. Да и не нужно оно мне. К тому же Маркус почти сразу отстраняется, чтобы повторно развернуть к себе спиной. И вновь вторгается, перехватив поперёк живота, насаживая на свой член. Столь

же жёстко и грубо, как и каждый последующий толчок, крадущий с моих уст всё новые и новые стоны, постепенно перерастающие в непозволительно громкие.

Я резко втягиваю воздух от переизбытка незнакомых ощущений. Несмотря на попытку казаться сдержанней, разливающееся по венам удовольствие оказывается сильнее. Оно вышвыривает меня из этой реальности, превращая мир в разрозненную пелену из бесчисленного множества кусочков чистейшего наслаждения. Но ритм движения во мне не прекращается. Наоборот, становится ещё жёстче и грубее, хотя прежде казалось, такое просто уже невозможно.

Рука мужчины скользит по моей спине, гладит по плечам и оборачивается вокруг шеи, сдавливая... перекрывая доступ к воздуху. Я зажмуриваюсь, в то время как моё сердце заходится в невыносимом ритме. Ещё совсем немного в таком же темпе – и вовсе остановится, не выдержав.

– Fucking, – слышу хриплое от Маркуса.

Он прижимает меня к себе крепче, а пальцы бьют по клитору. Член пульсирует внутри меня, усиливая ощущения сжатия собственных мышц. Боль и удовольствие смешиваются, превознося прежние ощущения тысячекратно. Внутренности словно разрывает в клочья. Настолько неумолимо сладостно, что мне уже и не хочется “собираться воедино” вновь.

И правда, Fucking!

Сколь бы я ни готовилась к тому, что происходило сейчас, никто не предупредил, что может быть так невообразимо хорошо...

Глава 8

Солнце давно взошло. Маркус уснул примерно час назад. Но мне так и не удаётся последовать его примеру. Слишком много всего кипит в подсознании, чтобы я могла предаваться забвению. И даже прохладные потоки воды не помогают унять тот водоворот эмоций, который переполняет подобно наводнению, захлёстывая те жалкие остатки здравомыслия, которые ещё могли

бы во мне оставаться после недавних событий.

В сотый раз изучив размеры синяков на своих запястьях, я покидаю спальню и спускаюсь вниз. Для начала – за новой порцией кофе, а потом – исследовать ту часть поместья, которую ещё не видела. Меня не интересует огромный бассейн или подсобные помещения. Я иду дальше, в самую глубь. Туда, где внутренний двор украшает цветочная оранжерея.

Стеклянное царство гранита и плодородной земли под постоянным климат-контролем наполнено солнечными лучами и всего одним единственным видом растительности. *Maxillaria schunkeana* – редчайший цветок семейства фаленопсисов, обладающий насыщенным тёмным оттенком. Чёрная орхидея.

“Три, четыре, семь, шесть, восемь: лепестки цветков мы бросим...” – всплывает в моей голове тоненьким девичьим голосом, напевающим незатейливую считалочку, пока я осматриваюсь.

Не могу себе отказать в порыве прикоснуться к хрупким соцветиям. Затрагиваю некоторые из них кончиками пальцев, пока неспешно бреду вдоль оранжереи.

В конце зала расположена своеобразная зона отдыха из плетёной мебели: двухместный диванчик, пара кресел и низенький столик со стеклянной столешницей. Именно там я и располагаюсь, продолжая не один последующий час гипнотизировать неопределённым взором раскинувшееся вокруг великолепие из зелени и цветов, чей образ запечатлён на моём теле.

Да уж, провокация, и правда, слишком откровенная...

“Три, четыре, семь, шесть, восемь: лепестки цветков мы бросим...” – прокручиваю в своей памяти снова и снова, подобно последней мазохистке.

Ещё какой-то год назад данные слова значились одним из самых светлых воспоминаний, которые только у меня оставались о моей старшей сестре. Когда мы были совсем маленькие, часто играли с ней в прятки-догонялки, чьим началом являлась эта считалочка. Но потом эти строки превратились в сопровождение совершенно другой картинке в моей голове. Всё та же поляна, всё те же одуванчики, которые я срываю, пока ищу её... Вот только нахожу уже не десятилетнюю лучезарно улыбающуюся Анну – остывшее изувеченное тело

взрослой женщины, в чьём кулаке зажаты лепестки чёрной орхидеи.

“Девять, десять и двенадцать: ты не думай поддаваться...” – последнее, что звучит в моих беспокойных мыслях, прежде чем сознание затухает, а тело поддаётся наплыву усталости.

На этот раз мне ничего не снится. Я просто проваливаюсь в темноту. Но и это длится недолго. Просыпаюсь от ощущения чужого присутствия. Гораздо ближе, чем хотелось бы. Жаль, подсознание срабатывает позже, чем привычка, – перехватываю чужую руку в толике сантиметра от моего лица и только вместе с этим открываю глаза.

– Хм... – звучит задумчивое от англичанина.

Ультрамариновый взор плавно смещается от моей персоны к запястью, которое я ещё не успеваю отпустить. По моим пальцам будто судорога проходит, прежде чем я расцепляю хват и попутно соображаю, как бы начинать оправдываться более убедительно.

– Доброе утро, Маркус, – следует между тем вкрадчивым тоном.

А мне так и не удаётся подобрать подходящих слов в качестве извинений и вразумительных пояснений собственному поступку.

– Что? – переспрашиваю с заметной растерянностью.

Надо же! Так глупо проколоться...

– Ты должна сказать: “Доброе утро, Маркус”, – терпеливо отзывается Грин. – Ещё было бы неплохо, если бы ты прекратила пялиться на меня, как на своего палача, и хотя бы чуть-чуть улыбнулась, – заканчивает в лёгкой насмешке.

Твою мать...

– Доброе утро, Маркус, – выдавливаю из себя подобие улыбки, как и было велено, несмотря даже на то, что время суток давно совершенно иное.

Очевидно, выходит довольно фальшиво. Но и я не стремлюсь сейчас проводить мастер-класс по лицезмерию в компании заклятого врага.

- Ты меня напугал, - всё же нахожусь с оправданием.

Сажусь ровнее и оглядываюсь, заметив на столе перед собой новую чашку с горячим кофе и женский плащ кремового оттенка, висящий на спинке кресла по правую сторону. Прежде последнего здесь точно не было.

- Это для меня? - интересуюсь, вернув внимание к Маркусу.

Он сам, к слову, одет, по обыкновению, с иголки. Костюм-тройка безукоризненного чёрного цвета, галстук в тон и идеально выглаженная рубашка... Ничего не осталось от того мужчины, которого я нашла этим предрассветным утром в тренажёрном зале.

- Да, - соглашается Грин. - У меня возникли кое-какие неотложные дела в офисе компании, поэтому мы едем в город, - подбирает с кресла плащ и протягивает мне ладонь в приглашающем жесте. - Заодно, пока я буду занят, сможешь пройтись по торговому центру и купить себе что-то из разряда тех женских мелочей, которые тебе могут понадобиться.

Послушно поднимаюсь с места и позволяю англичанину надеть на меня верхнюю одежду. Нет, я совсем не думаю о том, какие такие внезапно неотложные дела могут возникнуть в воскресенье вечером, хотя то и кажется чрезвычайно подозрительным. Мысли занимает совершенно иной факт, ведь... Это мой шанс!

- Хорошо, - отзываюсь деланно равнодушно.

Мужчина никак не реагирует. Берёт меня за руку, и мы вместе покидаем пределы его поместья. В ближайшие полчаса, пока мы добираемся до назначенного места, он вообще со мной не разговаривает. И, только когда оказываемся перед высоким зданием, построенным специально для его медиахолдинга, англичанин снисходительно ставит в известность:

- Закери - твой личный телохранитель.

Перед нами стоит здоровенный чёрный внедорожник. Именно оттуда и появляется тот, о ком речь. Высокий блондин с мягким голубым взглядом в строгом тёмно-синем костюме останавливается перед капотом машины Маркуса и терпеливо ждёт, пока мы окажемся с ним рядом.

- Добрый вечер, - вежливо здоровается мужчина.

Выдавливаю из себя подобие приветственной улыбки, а вот мой спутник даже этим себя не обременяет.

- Через два часа, - сухо проговаривает брюнет.

Закери понятливо кивает, после чего владелец медиахолдинга оставляет нас, направившись внутрь здания. Мне же ничего не остаётся, как смириться с тем, что теперь у меня в наличии имеется персональная нянька, он же надзиратель.

- Куда мы? - интересуюсь, заметив, что двигатель автомобиля по-прежнему в рабочем состоянии.

Голубоглазый неопределённо пожимает плечами.

- А куда бы вам хотелось? - задаёт встречный вопрос и открывает для меня переднюю дверцу с пассажирской стороны. - Маркус сказал, вы собирались за покупками, - добавляет и закрывает дверцу, как только я располагаюсь на сидении.

Значит, ко мне он на "Вы", учитывая контекст английского диалекта, но при этом обращается к Грину по имени. Интересно...

- Подойдёт любой торговый центр, - произношу, как только Закери усаживается за руль и трогает внедорожник с места.

Честно говоря, при себе у меня нет ни единого фунта, чтобы я могла позволить себе приобрести хоть что-то, но тут же главное совсем не покупки.

- Ближайший в паре кварталов отсюда, - отзывается блондин.

Киваю машинально и отворачиваюсь к боковому окну, наблюдая за мелькающей панорамой горящих огней города. Моё подсознание до сих пор там, в той оранжерее редких капризных цветов, так что временная пауза позволяет переоценить произошедшие события... И завести диалог на новую тему.

– Давно вы знакомы с Маркусом? – спрашиваю негромко.

Не уверена, получу ли достоверный ответ. Но и не поинтересоваться не могу. Не потому, что действительно интересно. Просто я должна спросить.

– Давно, да, – отзывается мужчина.

К этому времени Закери останавливает внедорожник на подземной парковке торгового центра, поэтому продолжение следует через небольшую паузу.

– Оранжерея в его доме... С чёрными орхидеями. Очень красивая, – обозначаю вслух, но не вопросом – скорее, намёком.

Ведь мне, вроде как ничего толком не знающей о Грине, должно быть любопытно, что за связь такая между этими цветами и татуировкой, благодаря которой англичанин купил меня... то есть контракт со мной.

– Адриан, отец Маркуса, построил её для своей жены в качестве подарка ко дню свадьбы. Гвен очень любила орхидеи. Всегда лично ухаживала за оранжереей. Большую часть своих дней тратила только на это, – оправдывает мои ожидания голубоглазый и подаёт руку, помогая выбраться из автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salieva_aleksandra/chernaya-orhideya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)